

«Победитель остается один» — новый роман Пауло Коэльо, где основная тема творчества писателя — поиск человеком своей судьбы, — получает неожиданное остро драматическое и современное освещение. События развиваются на Каннском фестивале в течение 24 часов. Герои, опьяненные своими мечтами, — от начинающих актрис и моделей до знаменитых кутюрье, режиссеров и продюсеров, — словно бабочки, натываются на острие безжалостной личной воли «победителя», вооруженную идеей любви, но несущую с собой хаос и смерть. Так, по замыслу автора, смыкаются в романе современное и вневременное.

ПАУЛО КОЭЛЬО

ПОБЕДИТЕЛЬ ОСТАЕТСЯ ОДИН

И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, — не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться:

душа больше ли пищи, и тело — одежды?

Посмотри на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц; и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть?

Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботиться о прочем?

Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Евангелие от Луки 12; 22-27

Кто бы ты ни был, держащий меня в руках,

Честно предупреждаю, что ты ничего от меня не добьешься,

Если в расчет не возьмешь одно обстоятельство:

Я не такой, как ты предполагаешь, я совершенно другой.

Кто тот, кто станет моим последователем?

Кто обречет себя домогаться моей любви?

Дорога опасна, цель неясна, быть может, губительна,

Тебе придется оставить все и всех и меня одного считать своей мерой вещей,

И даже тогда твой искус будет долог и изнурителен,

Тебе придется забыть былую идею своей жизни и ее соответствие жизням ближних,

А потому отпусти меня и не тревожь себя мной, сними свою руку с моих плеч,

Положи меня и отправляйся своим путем.

Уолт Уитмен. Аир благовонный. Перевод А. Сергеева

Посвящается Н. Д. П., случившейся на Земле, чтобы указать путь Подвига Доброго

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из сквозных тем моих книг — это умение платить за свои мечты полной мерой. Но возникает вопрос, — в какой мере наши мечты нам навязаны? Несколько десятилетий мы живем в цивилизации, превыше всего ставящей славу, деньги, власть и сумевшей убедить очень и очень многих, что это и есть — истинные ценности, к обладанию которыми и надо стремиться.

Мы, однако, не знаем, что те, кто манипулирует нами, остаются за сценой и себя не афишируют. Они-то отчетливо понимают, что наиболее действенная власть — та, которая никому не заметна до тех пор, пока не становится уже слишком поздно замечать ее — ловушка захлопнулась. Моя книга — об этой ловушке.

В романе «Победитель остается один» трое из четырех главных героев позволяют манипулировать своими мечтами.

Игорь, русский миллионер, который убежден, что обладает правом убивать, если имеет на то вескую причину — например, избавить кого-то от страданий или вновь привлечь к себе внимание своей возлюбленной.

Хамид, один из столпов «индустрии моды», который, начиная карьеру, руководствовался самыми добрыми намерениями, пока не попал в плен той самой системы, которую хотел использовать.

Габриэла, которая, подобно большинству наших современников, уверена, что слава — есть самоцель и высшая награда в этом мире, обожествляющем успех и известность.

Это — не триллер, а наша с вами действительность, изображенная без прикрас.

ПАУЛО КОЭЛЬО

Пистолет «беретта» рх4 по размеру чуть больше сотового телефона, весит около семисот граммов, обойма вмещает десять патронов. Компактный и легкий, он почти незаметен в кармане, а малый калибр имеет одно неоспоримое преимущество: пуля не проходит навывлет, а ломает жертве кости, кромсает внутренности, рвет мышцы, рассекает сосуды.

Разумеется, у того, кто получает пулю такого калибра, шансов выжить больше: известны тысячи случаев, когда пуля не задевала крупную артерию, и жертва успевала отреагировать и обезоружить нападавшего. Впрочем, если тот мало-мальски обладает опытом, то может подарить ей либо мгновенную смерть — стреляя в лоб, переносицу или сердце, либо медленную: в этом случае ствол под определенным углом следует навести под ребро и спустить курок. Пораженный пулей не сразу сознает, что ранен смертельно, и еще пытается отбить нападение, убежать, позвать на помощь. В этом — основное достоинство второго варианта: жертва успевает увидеть своего убийцу, она постепенно теряет силы и вот наконец падает наземь, совсем даже не обливаясь кровью и не вполне отчетливо понимая, что же такое случилось.

Конечно, это оружие — не для профессионалов. «Оно больше подходит для женщин, чем для шпионов», — говорил, помнится, кто-то из британской секретной службы, вручая Джеймсу Бонду усовершенствованную модель пистолета взамен устаревшей. Но он ведь и не претендует на то, чтобы считаться профессионалом, а для исполнения его намерений лучше «беретты» ничего пока не придумано.

И куплена она на черном рынке, так что идентифицировать ствол будет невозможно. В обойме — пять патронов, а он-то собирается использовать всего один, пилочкой для ногтей сделав на головке пули крестообразный надрез. Попав во что-либо более-менее твердое, она разлетится на четыре части.

Впрочем, пистолет припасен на самый крайний случай. Есть и другие способы сделать так, чтобы чей-то мир погас, чья-то вселенная погибла, и можно не сомневаться — *она* поймет, о чем идет речь, как только будет обнаружена первая жертва. *Она* узнает, что сделано это во имя любви, что в душе его нет ни капли обиды или досады и что если она вернется, он примет ее, не спрашивая, как жилось ей последние два года.

Он надеется, что шесть месяцев тщательнейшей подготовки дадут результаты, но убедиться в этом сможет лишь наутро. Да, таков его план — сделать так, чтобы фурии из древнегреческих мифов простерли свои черные крылья над этим лазурно-белым миром бриллиантов, ботокса, двухместных спортивных автомобилей, развивающих чудовищную скорость. Мечты о власти, об успехе, славе и деньгах — все это может быть прервано в любую минуту благодаря тем маленьким вещицам, которые у него с собой.

Можно бы уже сейчас подняться к себе в номер, потому что в 11:11 PM ожидаемое случилось, хоть он и был готов ожидать дольше — столько, сколько понадобится. В холл вошел мужчина в сопровождении красивой женщины — оба были одеты как принято, когда отправляешься на одну из гала-вечеринок, которые устраиваются после званых ужинов и на которых народу бывает больше, чем на просмотре любого фестивального фильма.

Игорь сделал вид, что не замечает ее. Одной рукой поднял повыше французскую газету (русская могла бы вызвать подозрения) так, чтобы вошедшая не видела его лица. Впрочем, предосторожность была излишней: женщина — в полнейшем соответствии с тем, как держат себя люди, непреложно уверенные в своем первородстве, — по сторонам не смотрела. Такие женщины являются сюда блистать и стараются не обращать внимания на то, как и во что одеты

другие, ибо количество чужих бриллиантов и экстравагантность туалетов способны всерьез испортить настроение, вызвать уныние, а то и пробудить комплекс неполноценности — даже если собственная одежда и все прочие аксессуары стоят немислимых денег.

Ее спутник — элегантный седоватый господин — подошел к стойке бара и попросил шампанского, без которого не начнешь, разумеется, эту ночь, предполагающую множество новых знакомств, превосходную музыку и волшебный вид на море и стоящие на якорях яхты.

Игорь видел, что с официанткой он вел себя учтиво: получив два бокала, поблагодарил, оставил хорошие чаевые.

Игорь испытал чувство ликования — это выплеснулся в кровь адреналин. Завтра он постарается сделать так, чтобы она узнала о том, что он был здесь. И настанет момент, когда они встретятся.

А вот чем закончится эта встреча, один Бог знает. Игорь, ревностно верующий, дал обет в одной московской церкви, перед мощами святой Марии Магдалины (их привезли в русскую столицу на несколько дней, чтобы верующие могли им поклониться). Он простоял почти пять часов в длинной очереди, а когда подошел наконец к ковчегу, был вполне убежден, что все это — не более чем выдумки священников. Тем не менее все же испросил у святой защиты и помолился о том, чтобы достичь своей цели, не принося больших жертв. И дал обет: когда все будет кончено и он вновь ступит на родную землю — заказать у знаменитого иконописца, живущего в монастыре под Новосибирском, образ в золотом окладе.

В три часа ночи в баре отеля «Martinez» пахнет табачным дымом и потом. Хотя пианист Джимми (у которого на левой ноге башмак одного цвета, а на правой — другого) уже опустил крышку рояля, а официантка вконец выбилась из сил, посетители и не думают расходиться, намереваясь провести в холле если не всю ночь, то уж по крайней мере еще час — вдруг случится что-нибудь примечательное?!

Тем более что Каннский кинофестиваль открылся четыре дня назад, а пока еще ничего не произошло. Разные люди сидят за столиками, но в голове у них одна и та же мысль, их снедает одно желание — встретиться с Властью. Красивые женщины надеются на встречу с продюсером — вдруг влюбится и даст заметную роль в новом фильме. И несколько актеров пьют, смеются и болтают друг с другом, делая вид, что все это не имеет к ним никакого отношения, но время от времени поглядывают на двери.

Кто-нибудь да войдет.

Кто-нибудь непременно должен будет войти. Юные режиссеры, у которых в головах роятся свежие замыслы, а в творческом активе числятся несколько видео, снятых еще в университете, перелопатившие горы книг по технике фотографии и киносъемки, ожидают волшебного поворота судьбы: некто, возвращаясь с очередной вечеринки, присядет за свободный столик, закажет кофе, закурит — и почувствует, что все ему смертельно надоело и душа его открыта для нового и неведомого.

Какая наивность.

Если даже такое и случится, менее всего на свете такому человеку захочется вникать в подробности очередного «уникального проекта». Однако отчаяние способно обмануть отчаявшегося. Власть имущие, входя сюда время от времени, обводят взглядом холл и бар и поспешно удаляются в свои номера. Они ничем не озабочены. Они уверены, что могут себе позволить ничего не бояться. Принадлежность к Суперклассу измен не прощает, и вопреки распространенным легендам никто из них, зная свои границы, шагу не ступит за ту черту, где есть возможность отдавить ногу другому. А кроме того, если предстоит открыть что-то неожиданное и значительное — в мире кино, музыки, или моды, — открытие это уж, во всяком

случае, произойдет не в гостиничном баре, ибо требует исследований и разысканий.

Суперкласс сейчас занимается сексом с девицей, сумевшей проникнуть на праздник и потому согласной на все. Снимает косметику, разглядывает морщины и думает, что пора делать новую пластику. Просматривает почту, читает новости *on-line*, проверяя, как откликнулась пресса на его последнее объявление, размещенное в сети. Запивает таблетку неизбежного снотворного чашкой чая, способствующего снижению веса. Отмечает в меню блюда к завтраку в номер и в специальной папке вывешивает его на ручку двери вместе с табличкой «Не беспокоить». Суперкласс закрывает глаза и думает: «Хоть бы сразу уснуть, завтра у меня встреча в десять утра».

Однако в баре «Martinez» все убеждены, что сильные мира сего — здесь. А если они здесь, то имеется шанс.

Им и в голову не приходит, что Власть разговаривает только с Властью. Что представители ее должны время от времени встречаться, пить и есть вместе, поддерживать престиж крупных фестивалей, а заодно — иллюзию того, что мир роскоши и гламура открыт всякому, у кого хватит дерзости и упорства отстаивать некую идею. Избегать войн, если они не сулят прибыли, и науськивать друг на друга компании или целые государства, если чувствуют, что это может дать еще больше власти и денег. Притворяться, что счастливы, хотя давно уже стали заложниками собственного успеха. Вести борьбу за усиление своего влияния и приумножение богатства, хотя и то, и другое уже достигло чудовищных размеров. Ибо тщеславие Суперкласса в том, чтобы соперничать с самим собой и забраться на вершину вершин.

В идеальном мире представители Власти вступали бы в разговор с актерами, режиссерами, сценаристами и художниками, которые сейчас с покрасневшими от усталости глазами думают, как вернуться в свои съемные квартирны в богом забытых городах, чтобы с утра продолжить изнурительный марафон просьб — просьб о встрече или о финансировании проекта.

В мире реальном люди Власти в этот час сидят в своих квартирах, проверяя электронную почту, и сетуют на то, что все вечеринки неотличимы одна от другой, что бриллианты подружки оказались крупнее, что яхта, купленная конкурентом, отделана уникальными породами дерева, — и разве мыслимо пережить такое?

Игорю разговаривать не с кем и, более того, — неинтересно. Победитель остается один.

Игорь, преуспевающий бизнесмен, владелец и президент компании сотовой связи в России, еще за год забронировав лучшие апартаменты в отеле «Martinez» (что предполагает оплату за двенадцать по крайней мере дней проживания вне зависимости оттого, сколько времени проведешь там на самом деле), прилетел сегодня рано утром на собственном самолете, принял душ и спустился в холл в ожидании увидеть нечто единственное в своем роде, хоть и очень простое.

Некоторое время ему докучали актрисы, актеры, режиссеры, но он давно уже нашел для всех замечательный ответ:

— *Don't speak English, sorry. Polish...* Или:

— *Don't speak French, sorry. Mexican.*^[1]

А если в последнем случае кто-нибудь пытался произнести несколько слов по-испански, Игорь прибегал к другому проверенному способу. Записывал у себя в книжечке какие-то цифры, чтобы не походить ни на журналиста, который интересуется всем на свете, ни на человека, связанного с кинопроизводством. На столике лежал экономический журнал на русском языке (в конце концов мало кто сможет отличить русский от польского или испанского) с фотографией никому не ведомого функционера на обложке.

Посетители бара, считая себя превосходными знатоками человеческой природы, наверно,

думают, что это один из тех миллионеров, которые приезжают в Канны исключительно с целью завести здесь необременительный романчик. После того как за его стол под тем предлогом, что «всюду занято», присел и заказал минеральной воды пятый человек, распространился слух, будто этот одинокий господин не имеет никакого отношения ни к кинематографу, ни к индустрии моды, и Игоря оставили в покое, сочтя «парфюмом».

Словечко это — из жаргона актрис (или «старлетов», как называют их на фестивале): марку парфюма легко сменить, и очень часто он может оказаться истинным сокровищем. Если это «парфюм», то им можно заняться, когда до закрытия фестиваля остается два дня, а подцепить что-нибудь стоящее из мира киноиндустрии так и не удалось. Стало быть, этот странный и на вид весьма состоятельный человек может подождать. Все они знают: лучше покинуть фестиваль, обзаведясь возлюбленным (которого всегда можно превратить в продюсера), чем в одиночестве отправляться на следующий, чтобы исполнять там извечный ритуал — пить, улыбаться (особенно — улыбаться), притворяться, что ни на кого не смотришь, и чувствовать, как сердце колотится, ведь минутная стрелка на часах будто с ума сошла, и программа гала-вечеринок еще далеко не исчерпана, а тебя никто не пригласил...

Все, что говорят «парфюмы», а говорят они всегда одно и то же, старлетки знают наперед и уже успели затвердить наизусть, однако делают вид, будто верят тому, что:

- а) «Я способен изменить твою жизнь».
- в) «Многие женщины мечтали бы оказаться на твоём месте».
- с) «Сейчас ты ещё молода, но надо смотреть вперед и предвидеть будущее».
- д) «Я женат, но моя жена...» (тут возможны варианты: «больна», «пообещала покончить с собой, если я ее брошу» и т. д.)
- е) «Ты — настоящая принцесса и заслуживаешь соответствующего обхождения. Сам того не зная, я всю жизнь ждал именно тебя. Я не верю в совпадения и считаю, что мы должны дать шанс нашим отношениям».

Да, слова всегда одни и те же. Варьируется разве что количество полученных подарков (предпочтительней всего драгоценности, благо они обладают, так сказать, высокой ликвидностью), приглашений на ужин в ресторан или на яхту, визитных карточек, возможность побывать на гонках «Формулы 1», где можно повстречать людей того же сорта, а значит ухватить за хвост удачу.

Это же словечко молодые актеры используют для обозначения престарелых миллионерш, многократно прошедших через чудеса пластической хирургии и отличающихся большим по сравнению со своими коллегами мужского пола умом. Эти дамы никогда не теряют времени впустую и приезжают сюда перед самым закрытием, зная, что все искусство обольщения заключено в деньгах.

«Парфюмы»-мужчины обманывают себя, полагая, что обладательницы длинных ног и свежих лиц, однажды позволив себя соблазнить, в дальнейшем позволят и делать с собой все что угодно. «Парфюмы»-дамы верят в силу своих бриллиантов — и только в них.

Игорь здесь впервые и всех этих тонкостей не знает. И к несказанному своему удивлению убеждается, что никто вроде бы особенно не интересуется конкурсным показом — если не считать посетителей бара. Он перелистал несколько журналов, вскрыл конверт, куда его компания вложила приглашения на самые значительные и пышные празднества, — и не нашел даже упоминания о просмотрах. Перед вылетом во Францию он приложил неимоверные усилия к тому, чтобы узнать, какие фильмы будут демонстрироваться на фестивале. Наконец один из приятелей сказал ему:

— Забудь ты про фильмы. Канны — это фестиваль моды.

Мода. Что думают о ней люди? Считают ее чем-то таким, что меняется с наступлением нового времени года? Слетаются сюда со всех уголков земли продемонстрировать наряды, туалеты, драгоценности, коллекции обуви? Нет, они не понимают истинного значения этого слова, смысл которого в том, чтобы дать понять: я принадлежу к вашему миру. Я ношу мундир вашей армии, не стреляйте, свои!

С незапамятных доисторических времен, с тех самых пор, как люди обосновались в пещерах, мода стала единственным способом сказать так, чтобы поняли все и даже незнакомцы осознали: я принадлежу к вашему племени, мы объединяемся против тех, кто слабей, и таким образом выживаем.

Однако здесь многие убеждены, что «мода» — это все. Каждые полгода они тратят огромные деньги, чтобы, поменяв едва заметную деталь туалета, остаться среди единственного в своем роде племени богачей. А вот если бы они побывали в Силиконовой долине, где миллиардеры, сколотившие состояния на информационных технологиях, носят пластмассовые часы и ходят в истертых джинсах, то поняли бы, что мир давно уже стал другим: люди из разных социальных групп по виду неотличимы друг от друга, никто больше не обращает ни малейшего внимания на размер бриллиантов, на то, каким фирменным знаком помечен галстук, на модель кожаного портфеля. Кстати, ни галстуки, ни портфели не водятся в этой части света, расположенной неподалеку от Голливуда — самой могучей, хоть и выработавшей уже свой ресурс машины, все еще заставляющей простаков верить в силу туалетов *hautecouture*, изумрудных колье, гигантских лимузинов. А поскольку все это еще появляется на страницах журналов, у кого, скажите, поднимется рука разрушить многомиллиардную индустрию рекламы, продажи никому не нужных вещей, производства по-разному называющихся, но неотличимых друг от друга кремов?

Идиоты. Игорь не может скрыть своей ненависти к тем, чьи решения так пагубно влияют на жизнь честно работающих людей, повседневное существование которых исполнено достоинства, ибо они здоровы, у них есть крыша над головой и любящая семья.

Извращенцы. И вот, когда все, казалось бы, в порядке, когда семья собирается вокруг стола за ужином — возникает призрак Суперкласса, продающего неосуществимые грезы под названием «роскошь», «красота», «власть». И все — нет больше благополучной, счастливой семьи.

Отец работает свехурочно, света белого не видит, чтобы купить сыну новую модель кроссовок, без которых тот будет чувствовать себя в школе последним изгоем. Жена замыкается в неприязненном молчании и плачет, потому что подруги обзавелись платьями знаменитой фирмы, а у нее нет на это денег. Подростки, вместо того, чтобы познавать истинные ценности — такие, как вера и надежда, — мечтают стать актерами. Девочки из захолустья, теряя неповторимые черты своей личности, изыскивают возможность уехать в большой город, а там пойти на все — на все решительно! — чтобы получить то, что им так желанно. Мир, который должен стремиться к справедливости, начинает вертеться вокруг материального, а оно через полгода уже ни на что не годно и подлежит замене, ибо только так и никак иначе могут удерживаться на вершине презренные существа, ныне обретающиеся в Каннах.

Понятно, что Игорь старается не поддаваться этому разрушительному влиянию. Дело, которым он занят — одно из самых завидных. Он по-прежнему зарабатывает в день много больше того, что может истратить за год — даже если бы решился позволить себе все виды удовольствий, как законных, так и запретных. Ему не составит труда соблазнить женщину — даже если она не будет знать, богат он или нет: он проверял это многократно и всякий раз добивался своего. Ему только что исполнилось сорок, он — в превосходной физической форме,

и ежегодный медицинский осмотр не выявил пока никаких нарушений или отклонений. У него нет долгов. Он избавлен от необходимости носить одежду определенной фирмы, посещать именно этот, а ни в коем случае не тот ресторан, проводить отпуск там, «куда все ездят», покупать часы такой-то марки потому лишь, что ее рекомендует знаменитый спортсмен. Он может позволить себе подписывать важнейшие контракты грошовой шариковой ручкой и носить удобные и элегантные пиджаки, сшитые на заказ в маленьком ателье рядом с его офисом и не помеченные никаким фирменным знаком.

Он волен делать все, что ему хочется, он добился права никому не доказывать, что богат и успешен. И дело, которым он занимается, его интересует и вдохновляет, как и раньше.

Да, вот в этом, похоже, и кроется отгадка. Он убежден, что именно по этой причине женщина, вошедшая в бар несколько часов назад, сейчас не сидит за его столиком.

Убивая время, он пытается продолжить свои размышления.

И заказывает Кристель еще порцию — он знает, как зовут официантку, потому что час назад, когда люди разошлись ужинать и улеглось колдовращение в баре, попросил виски, а она сказала, что он, вероятно, грустит, а потому надо что-нибудь съесть, чтобы поднять настроение. Он поблагодарил ее — ему и вправду было приятно, что хоть кого-то в самом деле беспокоит состояние его духа.

Пожалуй, ему одному известно, как зовут человека, обслуживающего его: все остальные хотят узнать имя, а еще лучше — род занятий — лишь тех, кто сидит за столиками и в креслах.

Да, он пытается продолжить свои размышления, но уже четвертый час утра, красивая женщина и ее учтивый спутник — внешне он очень похож на него самого — так больше и не появились. Наверно, поднялись в номер и предались любви, а может быть, пьют шампанское на одной из тех яхт, где веселье сейчас только начинается. А может быть, лежат в кровати и, не глядя друг на друга, перелистывают газеты.

А впрочем, все это неважно. Игорь сидит в одиночестве. Он устал, он хочет спать.

Он просыпается в 7:22 — гораздо раньше, чем нужно, чтобы выспаться, — потому что еще не успел привыкнуть к разнице во времени между Москвой и Парижем. В России он бы уже провел два-три совещания со своими сотрудниками и собирался бы на деловой завтрак с кем-нибудь из новых клиентов.

Но здесь у него — другая задача. Ему нужно найти того, кто будет принесен в жертву любви. Ему нужна жертва, чтобы Ева уже утром смогла получить его послание.

Приняв душ, он спускается выпить кофе в ресторане, где свободны почти все столики, а потом отправляется по набережной Круазетт, мимо выстроившихся в ряд фешенебельных отелей. Уличного движения совсем нет: проезжая часть перекрыта, пропускают только автомобили со специальным разрешением. Свободна и другая полоса, потому что местным жителям еще рано ехать на работу.

Он не предается тягостным раздумьям — давно миновала та мучительная фаза, когда ненависть снесла его душу и не давала уснуть. Сейчас он способен понять поступок Евы: в конце концов моногамия — не более чем миф, навязанный человеку. Он много читал об этом: дело вовсе не в переизбытке гормонов и не в тщеславии — нет, это генетическая предрасположенность, которая встречается едва ли не у всех животных.

Исследования не обманывают: ученые, проводившие тесты на отцовство среди птиц, обезьян, лис, установили, что эти особи вступают в некие социальные отношения, весьма напоминающие брак, но при этом не хранят верность своим партнерам. В семидесяти процентах случаев самки производят потомство от «посторонних» самцов. Игорь почти наизусть помнит абзац из статьи Дэвида Бараша, профессора психологии университета им. Дж. Вашингтона в Сиэтле:

«Образцом супружеской верности принято считать лебедей, но и это не соответствует действительности. Измены не совершает только плоский червь, *Diplozoonparadoxum* (спайник парадоксальный). Партнеры встречаются в юном возрасте, и их тела сливаются в единый организм крест-накрест. Все прочие представители животного мира способны на адюльтер».

И потому он не может обвинять Еву, которая всего лишь следовала инстинкту. Но поскольку она воспитана на социальных условностях, не признающих законов природы, то сейчас, наверно, терзается чувством вины и думает, что он больше не любит ее и никогда не простит.

Все обстоит как раз наоборот: он готов на все — и даже на то, чтобы посылать особые сообщения — символы уничтожения вселенных и миров других людей. И только ради того, чтобы она поняла, что всегда будет желанна, прошлое же — похоронено навеки.

Он встречает девушку, раскладывающую на лотке свой товар — кустарные сувенирные поделки сомнительного вкуса и качества.

Вот и жертва. Вот и послание, которое он должен будет отправить и оно, вне всякого сомнения, будет понято, как только дойдет до адресата. Прежде чем подойти, Игорь рассматривает девушку с нежностью: она не знает, что совсем скоро, если все сложится удачно, ее душа воспарит в поднебесье, навсегда освободясь от этой идиотской работы, не позволявшей ей оказаться там, куда манили мечты.

— Сколько стоит? — спрашивает он по-французски.

— Какую вы хотите?

— Все.

Девушка — на вид ей не больше двадцати — улыбается:

— Мне не в первый раз предлагают такое. За этим обычно следует предложение прогуляться. Потом, как правило, говорится: «Вы слишком красивы, чтобы торговать на набережной этой чепухой. Я...»

— Нет. Я — не. Я не имею отношения к кино. И не собираюсь делать из вас кинозвезду и менять вашу жизнь. И меня совершенно не интересует товар, который вы продаете. Мне всего лишь надо поговорить с вами, и мы можем сделать это прямо здесь.

Девушка неприязненно отводит взгляд.

— Этой работой занимаются мои родители, и мне нравится то, что я делаю. Настанет день, когда кто-нибудь обязательно оценит красоту этих вещиц. Пожалуйста, идите своей дорогой, вам не составит труда найти себе собеседника и сообщить ему все, что намеревались сказать мне.

Игорь достает из кармана пачку купюр и осторожно кладет ее рядом с товаром.

— Простите, если обидел ненароком. Я сказал это лишь для того, чтобы вы снизили цену. Мне очень приятно познакомиться с вами, меня зовут Игорь Малеев. Я только вчера прилетел из Москвы и еще плохо соображаю из-за смены часовых поясов.

— Оливия, — отвечает девушка, делая вид, что поверила этой отговорке.

Не спрашивая разрешения, он присаживается возле нее. Она отодвигается.

— Ну так о чем вы хотели поговорить?

— Сначала возьмите деньги.

Оливия колеблется. Но поглядев по сторонам, решает: опасаться нечего. По свободной полосе уже начали двигаться машины, на пляж направилось несколько молодых людей, а по мостовой идет пожилая чета. И девушка прячет деньги в карман, не считая, сколько там: у нее хватает опыта, чтобы понять — более чем достаточно.

— Спасибо, что приняли мое предложение, — произносит русский. — Вы спросили, о чем бы я хотел поговорить? Да так, ни о чем особенном...

— Вы, наверно, здесь по делу?... Никто не приезжает в Канны в такое время — сейчас здесь просто невозможно находиться ни местным, ни туристам.

Игорь, не отрывая взгляд от моря, закуривает.

— Курить вредно.

Он пропускает это замечание мимо ушей и спрашивает:

— А скажите-ка, в чем для вас смысл жизни?

— В любви, — с улыбкой отвечает Оливия: как хорошо начать день с разговора о чем-то высоком, а не о том, почему так дорого стоит ее товар, или о том, кто из прохожих во что и как одет. — А для вас?

— Да в том же самом. Впрочем, я подумал, что важно было в свое время заработать столько денег, чтобы можно было доказать моим родителям: я — победитель. Я сумел это сделать, и теперь они гордятся мной. Я встретил прекрасную женщину, создал семью... Мне бы хотелось иметь детей, почитать и бояться Бога. Детей, однако, нет.

Оливия считает, что спрашивать, почему, будет неделикатно. Этот мужчина лет сорока, свободно говорящий по-французски, продолжает:

— Мы хотели взять приемного ребенка. Года два или три обдумывали этот шаг. Но дальше началась беспокойная жизнь — беспрестанные поездки, праздники, встречи, переговоры...

— Когда вы присели здесь, чтобы поговорить, я решила, что вы — еще один сумасбродный миллионер в поисках приключений. Но на эти темы мне нравится говорить.

— Вы задумываетесь о своем будущем?

— Да, конечно. И похоже, мечты у нас с вами — одни и те же. Я тоже хотела бы иметь детей, — она осекается, боясь неосторожным словом задеть собеседника, появившегося так

неожиданно, — ...если, конечно, это будет возможно. Знаете, Божьи планы не всегда совпадают с нашими...

Он, вроде бы не слушая, задает следующий вопрос:

— А на фестиваль приезжают только миллионеры?

— Миллионеры, те, что считают себя таковыми, и те, что хотят таковыми стать. В эти дни здесь — как в психушке... Все корчат из себя невесть что, кроме тех, разумеется, кто на самом деле — важные птицы. Вот они-то — самые приветливые и милые, потому что им ничего никому не надо доказывать. Они не всегда покупают мой товар, но по крайней мере могут улыбнуться, сказать что-нибудь ласковое. И смотрят на меня без пренебрежения... Так что вы здесь делаете?

— Бог создал мир за шесть дней. Но что такое мир? То, что предстает моим или вашим глазам. И каждый раз, как кто-нибудь умирает, уничтожается частица мироздания. Все, что человек чувствовал и ощущал, все, что он созерцал, исчезает вместе с ним, подобно тому, как под дождем исчезают слезы.

— «Как слезы под дождем»... В каком-то фильме — не помню только, в каком — звучали эти слова.

— Но я пришел сюда не плакать. А затем, чтобы подать весть женщине, которую люблю. И для этого я должен уничтожить несколько миров или галактик.

Вместо того чтобы испугаться, Оливия смеется. Этот человек — красивый, хорошо одетый, бегло говорящий по-французски — совсем не похож на сумасшедшего. Ей так надоело изо дня в день слышать одни и те же слова: «Вы очень красивы... Вы заслуживаете несравненно большего... Сколько это стоит? О-о, как дорого... Я подойду к вам попозже» и прочее. Этот русский по крайней мере обладает чувством юмора.

— А зачем уничтожать чужой мир?

— Чтобы воссоздать свой собственный.

Оливия могла бы попытаться утешить человека, сидящего рядом. Но боится, что когда услышит знаменитую фразу «Я хотел бы, чтобы ты придала моей жизни смысл», разговор тут же и кончится, ибо у нее другие планы на будущее. А помимо всего прочего, было бы с ее стороны самой дурацкой самонадеянностью взрослого и вполне преуспевающего в жизни мужчину, который к тому же старше ее, учить преодолевать житейские трудности.

Единственное, что остается, — побольше узнать о нем. В конце концов, он заплатил — и весьма щедро — за ее время.

— И как же вы собираетесь это сделать?

— Вы знаете что-нибудь о лягушках?

— О лягушках?

— Биологические эксперименты показали, что если поместить лягушку в резервуар с водой из ее пруда или болота, а потом начать эту воду нагревать, лягушка останется неподвижной. Она не будет реагировать на постепенное повышение температуры, на изменения окружающей среды и, когда вода закипит, сварится заживо и погибнет счастливой. Если же бросить лягушку в резервуар с кипящей водой, она немедленно выпрыгнет наружу. Обожженная, но живая.

Оливия не вполне поняла, какое отношение имеют лягушки к разрушению мира. А Игорь меж тем продолжал:

— Мне уже случалось вести себя, как лягушка в первом случае. Я не замечал перемен, считал, что все хорошо, а что нехорошо, то скоро пройдет — это всего лишь вопрос времени. Я был готов умереть, потому что потерял самое важное в жизни и вместо того, чтобы реагировать, покорно и апатично плавал на поверхности воды, с каждой секундой становившейся все горячеей.

Набравшись храбрости, Оливия спросила:

— Что же вы потеряли?

— Да на самом деле ничего не потерял: просто случается иногда, что жизнь разводит двоих людей — только для того, чтобы показать обоим, как они важны друг для друга. Ну скажем, так: вчера вечером я увидел свою жену с другим. Я знаю, она любит меня, знаю, что хочет вернуться, но не решается на такой шаг. Есть лягушки, которые, даже погибая, все еще полагают, что самое главное — повиновение, а не постижение: приказывает тот, кто может, слушается тот, кто разумен. Но разве это так? Лучше выскочить из ситуации ошпаренным, но живым и готовым действовать. И я убежден, Оливия, что вы сможете мне помочь в этом.

Девушка на секунду представила себе, какие мысли проносятся в голове сидящего рядом с ней. Как же можно было бросить человека, умеющего так интересно рассуждать о том, о чем она никогда даже и не слышала? Впрочем, любовь не подчиняется логике — Оливия, несмотря на юные годы, знает это твердо. Вот ее возлюбленный, например, ведет себя иногда просто безобразно, может даже и стукнуть ни за что, и все равно она и дня бы без него не прожила.

Так о чем же все-таки они говорили? О лягушках. О том, что она может помочь ему. Всякому понятно, что это не так, а потому лучше вообще сменить тему.

— А как вы намереваетесь разрушить мир?

Игорь показывает на проезжую часть набережной Круазетт:

— Ну, предположим, я не хочу, чтобы вы ехали на праздник, но сказать вам о этом прямо не могу. Если я дождусь часа пик и заторможу посреди улицы, то через десять минут весь проспект наглухо встанет. Водители будут думать: «Наверно, впереди авария», — и набираться терпения. Через пятнадцать минут приедет полиция с эвакуатором.

— Так уже бывало — и сотни раз.

— Ну, а если я выйду из машины и разбросаю вокруг гвозди и всякие прочие острые железки? Осторожно разбросаю, так, чтобы никто не заметил. Допустим, мне хватило бы терпения выкрасить их все под цвет асфальта. Пока эвакуатор доедет до меня, от покрышек у него останутся одни лохмотья. Теперь, когда застрянут уже две машины, пробка растянется до предместий того маленького городка, где вы, по всей видимости, живете.

— Очень изобретательно, спору нет. Но добьетесь вы лишь того, что я опоздаю самое большее на час.

Игорь улыбнулся:

— Что ж, я мог бы несколько часов кряду рассуждать о том, как увеличить этот срок. Скажем, когда вокруг машин собралась бы толпа, я бросил бы под грузовик дымовую шашку. Все шарахнулись бы в панике. Я же, изображая сильный страх, вскочил бы в свою машину, завел двигатель, и одновременно полил бы на коврик бензина из баллончика для заправки зажигалок и поджег его. Мне бы хватило времени выбраться и со стороны взглянуть, как пламя постепенно охватывает машину, подбирается к бензобаку. Взрыв! Автомобиль, стоящий позади, тоже вспыхивает — и начинается цепная реакция. И все это удастся сделать, имея всего-навсего машину, пригоршню гвоздей, дымовую шашку, которую можно купить в любой лавчонке, и бензин для зажигалок... Вот такой примерно баллон. И все это я должен был бы сделать, когда понял, что Ева намерена уйти от меня. Надо было заставить ее помедлить с этим решением, подумать еще раз, взвесить все последствия. Когда начинаем размышлять, какое решение принять, как правило мы не предпринимаем вообще ничего. Потому что для действий «с заранее обдуманном намерением» отваги нужно гораздо больше, чем для спонтанного порыва...

Ну, так вот, а я впал в гордыню, решил — она спохватится, опомнится... И уверен, что сейчас она раскаивается и хочет вернуться. Но для этого нужно, чтобы я уничтожил несколько миров.

Лицо его изменилось, и Оливия уже не видела тут ничего забавного. Она поднялась:

— Ну, ладно, пора делом заняться...

— Но ведь я заплатил вам, чтобы вы меня выслушали. Заплатил за целый день вашей работы.

Оливия сунула руку в карман, чтобы достать полученные от него деньги, и в этот миг увидела направленное ей в лицо дуло пистолета.

— Сядьте.

Она подавила желание метнуться прочь. Пожилая чета приближалась очень медленно.

— Не надо убегать, — сказал он, будто прочитав ее мысли. — Я вовсе не собираюсь стрелять, если... Если вы сядете и дослушаете до конца.

В голове Оливии вихрем понеслись возможные варианты действий, и первый среди них — броситься, петляя, наутек. Однако ноги внезапно ослабели.

— Сядьте, — повторил он. — Будете слушаться — вам ничего не грозит. Обещаю.

И в самом деле: кажется чистейшим безумием, что кто-то способен открыть стрельбу в такое погожее, солнечное утро, на заполненной людьми набережной, мимо которой все более и более плотным потоком — пусть и в одну сторону — катят автомобили. Но все-таки благоразумнее подчиниться этому человеку, сделать то, что он велит, — и прежде всего потому, что ничего другого ей не остается и действовать иначе она просто не может, находясь в полуобморочном состоянии.

И она подчиняется. Теперь надо убедить его, что она не представляет для него опасности и готова выслушать излияния брошенного мужа, она может пообещать ему что угодно, а как только вблизи покажется совершающий свой обход полицейский — броситься на землю и позвать на помощь.

— Я точно знаю, что вы сейчас чувствуете, — произносит мужчина так, словно хочет успокоить ее. — Страх во все времена и у всех людей проявляется одинаково. Так было, когда первобытные люди встречали диких зверей, и так же происходит сейчас. Организм, защищаясь от возможной кровопотери, гонит кровь от эпидермиса вглубь — и человек бледнеет. Внутренности расслабляются и выбрасывают из себя все, не давая токсинам отравить организм. В течение нескольких первых мгновений тело отказывается повиноваться мозгу, человек впадает в ступор — так задумано природой для того, чтобы каким-то подозрительным движением он не спровоцировал хищника, не дал ему напасть на себя.

«Это какой-то кошмарный сон», — думает Оливия. Она вспоминает в этот миг о родителях, которые должны были бы торговать здесь вместе с нею, но задержались, потому что всю ночь работали в ювелирной мастерской. И о возлюбленном, которого считала мужчиной своей жизни, хоть он время от времени и обижал ее: всего несколько часов назад они предавались любви и достигли оргазма одновременно, чего не бывало уже давно. Выпив утром кофе, она вопреки обыкновению даже не стала принимать душ — настолько переполняли ее радость бытия, ликующее чувство свободы и бодрости.

Нет-нет, это невозможно... Надо успокоиться и успокоить этого маньяка:

— Ладно, будь по-вашему, я никуда не пойду. Вы скупили весь мой товар... Давайте поговорим...

Он приставляет ствол пистолета к ее боку, но так, что даже престарелые супруги, в этот миг уже поравнявшиеся с лотком, ничего не замечают. Они видят лишь, что торгующая сувенирами девушка-португалка, которая всегда старается произвести впечатление на мужчин, играя густыми бровями и одаряя их по-детски доверчивой улыбкой, сидит на своем обычном месте, а рядом с ней — очередной поклонник. Судя по одежде — богатый человек.

Оливия, словно пытаясь внушить им какую-то мысль, не сводит с них глаз. Мужчина рядом

с нею весело произносит:

— Доброе утро!

Пара удаляется, ничего не ответив: супруги не привыкли вступать в беседу с незнакомыми людьми, а тем более — здороваться с уличными торговками.

— Да, поговорим, — нарушает воцарившееся молчание русский. — Ничего из того, о чем я говорил раньше, я устраивать не стану — это был всего лишь пример. Моя жена узнает, что я здесь, когда начнет получать сообщения. И делать то, что проще и очевидней всего — пытаться найти ее, я тоже не собираюсь. Мне нужно, чтобы она сама пришла ко мне.

Оливия понимает — это выход!

— Я могу передать ей все, что хотите... Скажите только, в каком она отеле.

Игорь смеется:

— В твоём возрасте люди страдают одним недостатком: считают себя умнее остального человечества. Стоит лишь отпустить тебя, как ты прямиком кинешься в полицию.

Кровь стынет в ее жилах. Неужели они целый день просидят на этой скамейке? И в любом случае он застрелит ее — ведь она знает его в лицо...

— Вы же сказали, что не будете стрелять.

— Да, сказал. И подтверждаю: не буду — в том случае, если ты будешь вести себя как взрослая и не считать меня дураком.

Он прав. А вести себя по-взрослому — значит заговорить о себе. А может быть, удастся разбудить жалость, всегда дремлющую в душе сумасшедшего? Сказать, пусть это и неправда, что и сама — в таком же положении...

Пробегавший мимо паренек в наушниках iPod даже не дал себе труда взглянуть в их сторону.

— Я вот живу с человеком, превратившим мою жизнь в настоящий ад, а уйти от него все равно не могу, — говорит Оливия.

Глаза Игоря смотрят теперь как-то по-иному.

Оливия думает, что, кажется, нашла способ выскользнуть из этой ловушки. «Напряги ум, постарайся думать о жене этого человека! Будь правдива».

— Он не позволяет мне видиться с моими друзьями. Ревнует ко всем на свете, хотя сам изменяет направо и налево. Что я ни сделаю — все не так, все ему не нравится. Говорит, я лишена честности. Отбирает даже мои ерундовые комиссионные за проданный товар.

Русский молчит, глядя на море. Тротуар между тем заполняется людьми — может быть, просто вскочить и кинуться бежать? Неужели он будет стрелять? Неужели это у него настоящий пистолет?

Она чувствует, что сейчас, когда она заговорила о своих неурядицах, он немного расслабился. Но она помнит, как он смотрел, как звучал его голос несколько минут назад, так что лучше не рисковать.

— ...И все равно я не могу его бросить. Я не променяю его на самого лучшего, самого благородного, самого богатого человека на свете. Я вовсе не мазохистка и не получаю удовольствия от того, что меня постоянно унижают, — но я его люблю.

Она чувствует, как ствол пистолета снова утыкается ей в подреберье. Вероятно, сказала что-то не то...

— У меня нет ничего общего с этим твоим хахалем. — Голос русского теперь подрагивает от ненависти. — Я из кожи вон лез, чтобы получить то, чем теперь владею. Я работал как каторжный, меня сбивали с ног, но я поднимался и шел дальше. Я честно дрался, хоть иногда приходилось быть жестким и безжалостным. И всегда оставался настоящим христианином. У меня много влиятельных друзей, и я умею платить за добро добром.

Я не уничтожал никого из тех, кто становился на моем пути. Всегда позволял жене делать то, что ей нравится, а в итоге оказался один. Да, мне приходилось убивать людей во время этой идиотской войны, но я не утратил чувства реальности. Я — не из тех морально травмированных ветеранов, которые врываются в ресторан и начинают поливать всех из автомата. И я не террорист. Да, я мог бы затаить обиду на жизнь, лишившую меня самого дорогого — любви. Но боль от потери рано или поздно пройдет, а на свете есть и другие женщины. Я должен действовать, я больше не хочу уподобляться лягушке, покорно ожидающей, когда ее сварят.

— Но если вы знаете, что есть и другие женщины, что боль — не навек, почему же вы так страдаете?

Да, теперь Оливия в самом деле ведет себя по-взрослому и сама удивляется тому, с каким спокойствием обращается с этим сумасшедшим.

А он, кажется, размышляет над ответом:

— Не знаю, почему. Может быть потому, что это происходит уже не в первый раз... Или потому, что должен показать себе, на что способен. А может быть, потому, что солгал и на свете есть только одна женщина. Я разработал план.

— Какой?

— Я же сказал — разрушить несколько миров, чтобы она поняла, как важна для меня. Поняла, что я не останюсь ни перед чем, чтобы ее вернуть.

Полиция!

Оба заметили приближающийся патрульный автомобиль.

— Прости, — говорит русский. — Я бы хотел поговорить еще, ибо и с тобой жизнь обходится несправедливо.

Оливия слышит в этих словах свой смертный приговор. И, понимая, что терять уже нечего, внутренне собирается, готовясь вскочить. Но рука мужчины ложится ей на правое плечо — нежно, будто лаская.

Самбо — или «самозащита без оружия» — это боевое искусство, умение убивать голыми руками, и так, что жертва не успевает осознать происходящее. Оно развивалось и совершенствовалось на протяжении столетий, когда людям приходилось отбиваться от захватчиков, не применяя мечей или топоров. Впоследствии его широко применяли советские спецслужбы для того, чтобы, не оставляя следов, убирать неудобных. Тогдашние лидеры коммунистического режима упорно добивались того, чтобы самбо было включено в число олимпийских видов спорта, и хотели выставить на Московской Олимпиаде 1980 года свою команду, но усилия их успехом не увенчались: самбо было признано слишком опасным.

Тем лучше. Благодаря этому оно не получило широкого распространения, и лишь очень немногие владеют его смертоносными приемами.

Большим пальцем правой руки Игорь пережимает сонную артерию Оливии, и кровь перестает поступать в мозг. А другая рука одновременно нащупывает под мышкой определенную точку: если нажать на нее, происходит паралич мускулатуры. Теперь надо лишь выждать две минуты.

Оливия будто задремала в объятиях своего спутника. Полицейский патруль проехал у них за спиной по перекрытой полосе и даже не обратил внимания на парочку — у него и так хватало в это утро забот: только что по радио поступило сообщение, что в трех километрах отсюда какой-то пьяный миллионер разбил свой лимузин.

Игорь, не выпуская девушку, подбирает с разостланной на тротуаре простыни ее товар — те самые кустарные поделки, аляповатые и безвкусные. Ловко и проворно увязывает их в узел.

Потом, оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, бережно и осторожно опускает тело Оливии на скамью — кажется, будто девушка спит, но что она видит во сне —

неведомо никому. Может быть, ей вспоминается сейчас ясный день, а может быть, предстает какое-то кошмарное видение.

Вместе их видела только чета стариков. И в том случае, если смерть девушки признают насильственной — в чем Игорь сомневается, ибо никаких следов преступления не осталось, — едва ли они запомнили, как он выглядит, и вряд ли сумеют правильно описать его наружность полиции. Нет ни малейших причин для беспокойства: люди в большинстве своем не обращают внимания на то, что происходит вокруг.

Прежде чем уйти, он целует спящую красавицу в лоб и шепчет:

— Видишь, я сдержал свое слово. И не выстрелил.

Едва сделав несколько шагов, он чувствует сильнейшую головную боль. Что ж, так и должно быть: кровь прихлынула к мозгу, это нормальная реакция организма, сию минуту освободившегося от страшного напряжения.

Несмотря на это, он счастлив. Он достиг цели, он смог. Он сумел. И счастье его тем полнее, что он сумел разлучить с этим хрупким телом душу, не способную противостоять издевательствам трусливого мерзавца. Если бы так продолжалось и дальше, девушка пребывала бы в постоянной подавленности и тревоге, совсем перестала бы себя уважать и с каждым днем все сильнее зависела от своего ничтожного любовника.

С Евой все было совсем иначе. Она всегда была способна отстаивать собственные решения, хоть, затеяв собственное дело — дорогой бутик готового платья, — и принимала от него помощь и деньгами, и советами. Она могла путешествовать, когда ей заблагорассудится и сколь угодно долго. Он был настоящим мужчиной и образцовым мужем. И все же она совершила ошибку: не сумела понять его любовь, а потом — принять его прощение. Однако Игорь надеется, что она будет получать от него послания, ибо в тот самый день, когда она решила бросить его, поклялся: ради того, чтобы вернуть ее, он будет разрушать миры.

Он достает из кармана недавно купленный мобильник, где на счету лежит минимально допустимая сумма. И посылает эсэмэс-сообщение.

Если верить легенде, все началось с того, что на Каннском кинофестивале 1953 года фоторепортеры, маясь от безделья, засняли на пляже никому не известную девятнадцатилетнюю девушку в бикини. Прошло совсем немного времени, и она стала суперзвездой, и на весь мир прогремело ее имя — Бриджит Бардо. Нынче же все уверены, что нужно красоваться на пляже в Каннах, чтобы затем повторить ее судьбу. Никто не дает себе труда понять, что следует еще обладать дарованиями актрисы: в расчет принимаются только внешние данные.

И потому несть длинноногим крашеным блондинкам, которые летят за сотни и тысячи километров, преодолевая разнообразные препятствия, чтобы провести целый день на пляже в надежде быть замеченными, сфотографированными, открытыми. Они во что бы то ни стало хотят избежать ловушки, уготованной всем женщинам — не желают превратиться в матерей семейств, стряпающих, убирающих, отводящих детей в гимназию, отыскивающих в безнадежном однообразии бытия какую-нибудь яркую подробность, о которой можно будет всласть посудачить с соседкой. Они мечтают о славе, блеске и гламуре, о зависти обитателей своего городка, сверстников и сверстниц, всегда видевших в них гадкого утенка и не подозревавших, что он превратится в прекрасного лебедя, что невзрачный бутон распустится великолепным цветком, вожделенным для всех и каждого. Этих девушек интересует только карьера в мире грез, и они готовы влезть в долги, чтобы накачать груди силиконом и закупить вызывающих туалетов. Брать уроки актерского мастерства? Что за вздор, кому это надо? Достаточно красоты и связей — кино способно творить чудеса.

Надо лишь прорваться в этот волшебный мир.

Никакая цена не покажется чрезмерной за избавление от монотонной безысходности, присущей жизни в провинциальном захолустье. Миллионы людей не тяготятся этим, проводя жизнь так, как считают нужным. Но те, кто приезжает на фестиваль, должны отринуть страх, оставить его дома и быть готовыми ко всему — действовать без малейших колебаний, лгать, если потребуется, скрывать свой возраст, улыбаться людям, внушающим тебе отвращение, притворяться, что тебя тянет к тем, от кого на самом деле — воротит, шептать «Я люблю тебя», не заботясь о последствиях, вонзить нож в спину подруге, которая когда-то выручила или спасла, а теперь превратилась в нежелательную соперницу. Идти напролом, позабыв и стыд, и совесть. Чаемая награда стоит любых жертв.

Слава.

Блеск и гламур.

Все эти мысли, проплывающие в голове Габриэлы, Раздражают ее — это не лучший способ начать новый День. Кроме того, она с похмелья.

Одно утешает: проснулась не в номере пятизвездочного отеля и рядом нет мужчины, который скажет, что ей надо одеться и уйти, потому что у него очень много дел и надо покупать или продавать спродюсированные им фильмы.

Она встает и оглядывается — нет ли тут кого-нибудь из подруг. Разумеется, нет: все разошлись, кто на Круазетт, кто в бассейн, кто в бар, кто на яхту, на пляж, на завтрак, сулящий поворот судьбы и перемену участи. На полу маленькой квартирки, снятой на это время втридорога, разостланы пять матрасов. Вокруг в полнейшем беспорядке валяются одежда, туфли, «плечики», которые никому не пришло в голову подобрать и повесить в шкаф.

«Здесь одежда в большем почете, чем человек».

Разумеется, ни одна из них не может позволить себе даже мечтать о вещах от Versace и Galliano, от Elie Saab и Karl Lagerfeld, но вся квартира завалена тем, что девушкам по карману —

мини-юбками, бикини, блузками, туфлями и невероятным количеством косметических принадлежностей.

«Ничего, когда-нибудь я буду носить то, что захочу. А сейчас мне нужен всего один шанс».

Почему всего один?

Да очень просто. Потому что знает: она — лучше всех, и убежденности в этом не противоречат ни школьные разочарования, ни огорчения, которые она доставляла родителям. Именно в ту пору она принялась конфликтовать с домашними, доказывая самой себе, что способна преодолеть любые препятствия, совладать с любыми трудностями, позабыть все неудачи и поражения. Она рождена, чтобы побеждать и блистать — в этом у нее нет ни тени сомнения.

«Я знаю, что когда добьюсь желаемого, непременно спрошу себя: меня любят, мной восхищаются, потому что я такая, как есть, или потому, что я стала знаменитостью?»

Ей знакомы люди, достигшие известности. И вопреки ее ожиданиям, в душе их нет мира — вне сцены они неуверенны, исполнены сомнений и несчастны. Они боятся совершить неверный шаг, который мог бы навсегда испортить карьеру.

«Но я — другая. Я всегда останусь сама собой».

Так ли это? Или все, оказываясь на ее месте, думают то же самое?

На грязной кухне — никто из подруг не удосужился хотя бы вымыть посуду — она варит себе кофе. И сама не понимает, почему проснулась в таком дурном настроении и сильнейших сомнениях. Она знает свое дело, она отдается ему всей душой — и все же ей кажется, что никто не желает признать ее талант. Знает она и людей — по большей части мужчин: они станут ей союзниками в битве, которую следует начать и выиграть немедленно, ибо Габриэле уже двадцать пять, и совсем скоро она по возрасту перестанет годиться для индустрии грез. Что же она знает о них?

Что они меньше женщин склонны к предательству.

Что никогда не обращают внимания на то, во что женщины одеты, ибо постоянно раздевают их глазами.

Что при наличии у женщины хорошей фигуры — мир завоеван.

Твердо памятуя эти три пункта, а также и то, что все женщины, соперничающие с ней, стараются преувеличить свою привлекательность, она уделяет внимание только последнему соображению. Старается держать себя в форме, делает гимнастику, соблюдает режим, а одевается — вопреки тому, что велит логика, — скромно. До сих пор это приносило плоды, и она выглядела моложе своих лет. Бог даст, так будет и здесь, в Каннах.

Грудь, бедра, ягодицы. Что ж, пусть мужчины обращают внимание на это, если уж иначе нельзя. Ничего, придет день, когда все увидят, на что она способна!

Она пьет кофе, постепенно начиная понимать причину своего скверного настроения. Все дело в том, что вокруг нее собрались наипервейшие в мире красавицы, и она, хоть вовсе не считает себя дурнушкой, никак не может состязаться с ними. Ей надо обдумать, что делать дальше: решиться на эту поездку ей было нелегко, денег у нее в обрез, а времени заключить контракт — и того меньше. За первые два дня она уже успела кое-где побывать, показать свои CV^[2] и портфолио, однако добилась всего лишь приглашения на вчерашнюю вечеринку, происходившую в десятиразрядном ресторане, где оглушительно грохотала музыка и где заведомо не встретишь никого из представителей Суперкласса. Она выпила, чтобы преодолеть свою скованность, и выпила, вероятно, больше, чем мог принять ее организм, так что совсем потеряла представление о том, где находится и что делает. Здесь, в Европе, все казалось ей чужим и непривычным: и манера одеваться, и незнакомая речь, и деланое веселье всех

присутствующих, каждый из которых мечтал бы попасть на мероприятие для очень узкого круга избранных, но в результате оказался здесь, в этом убожестве, и, перекрикивая музыку, судил о чужой жизни и о несправедливости мироустройства.

Габриэле надоело это слушать. Да, власть имущие несправедливы — и точка. Таковы они, такова их природа. Они выбирают кого пожелают, они не обязаны делать так, чтобы окружающие оставались ими довольны, — и именно поэтому ей нужен план. Многие другие девушки, обуреваемые той же мечтой (но, разумеется, не одаренные ее талантом), тоже рассылают свои фото, видео и резюме, так что съехавшиеся в Канны продюсеры не знают, наверно, куда деваться от визитных карточек, DVD и пластиковых папочек с данными претендентов.

Значит, надо выделиться. Но как?

Надо придумать, как. Ничего другого не остается, тем более что она истратила все свои сбережения и на второе путешествие уже не скопить. И — о, ужас! — она теряет молодость. Двадцать пять лет. Это ее последний шанс.

Габриэла пьет кофе, поглядывая в маленькое окошко, выходящее в какой-то глухой тупик: видны только табачная лавка и девочка, которая ест шоколад. Да, это ее последний шанс. И уж его-то упустить нельзя.

Она возвращается мыслями в прошлое, в ту пору, когда в одиннадцать лет, учась в одном из самых дорогих чикагских колледжей, сыграла в школьном спектакле. Но ее желание побеждать родилось не из оваций публики, состоявшей из одноклассников, их родителей и учителей.

Все было совсем наоборот: в инсценировке «Алисы в Стране чудес» она играла Сумасшедшего Шляпника и вместе с множеством других мальчиков и девочек сначала пробовалась на эту роль — одну из важнейших в пьесе.

Первая ее реплика звучала так: «Ты должна отрезать волосы». На что Алиса отвечает: «Это показывает, что вы невежливы с гостями».

Когда настала долгожданная минута, она от волнения перепутала вызубренный наизусть, столько раз отрепетированный текст и произнесла: «Ты должна отрастить волосы». Девочка, игравшая Алису, ответила, как учили, и зрители ничего не заметили, но Габриэла-то осознала свою ошибку.

И потеряла дар речи. Шляпник — персонаж немаловажный, без него эту сцену не сыграть, а дети на сцене импровизировать не умеют (хотя в жизни это получается у них превосходно), и потому никто не знал, что делать. Наконец после мучительно долгой паузы, пока актеры растерянно переглядывались, одну из учительниц осенило — и она принялась аплодировать. Объявила антракт и велела всем уйти со сцены.

А Габриэла ушла не только со сцены — рыдая, она убежала домой. Назавтра узнала, что спектакль возобновили с того места, где начинается партия в крикет с Королевой. И хотя учительница твердила, что все это не имеет ни малейшего значения, потому что в «Алисе» и так все шиворот-навыворот, на перемене Габриэле сильно досталось от одноклассников.

Впрочем, били ее уже не впервой — это случалось почти каждую неделю. И она научилась защищаться. Но на этот раз не сопротивлялась, стояла молча и даже не плакала. Ее реакция так удивила школяров, что очень скоро они оставили ее в покое — ведь, в конце концов, и драка-то была затеяна для того, чтобы Габриэла пустила слезу. А коль скоро этого не произошло, они утратили к ней интерес.

А не плакала она потому, что после каждой затрецины думала: «Я стану великой актрисой. И вы все горько пожалеете о том, что делали».

Кто сказал, будто дети не способны решить, чего они хотят от своей жизни?

Взрослые.

И мы, пока растем, верим, что они — умнее, что они постигли всю мудрость мира. Многие дети попадают в ту же ситуацию, когда выходят на сцену в роли Спящей Красавицы, Алисы, Аладдина, Сумасшедшего Шляпника и вдруг забывают свой текст. И в этот миг они решают навсегда отказаться от света софитов и аплодисментов публики. Но Габриэла, которая за свои одиннадцать лет не проиграла до этого злополучного спектакля ни одного сражения и всегда была самой умной, самой красивой, получала самые лучшие отметки, интуитивно поняла в тот миг: «Если не буду реагировать сейчас, пропаду».

Ибо одно дело — получить трепку от одноклассников и совсем другое — волочить за собой до конца дней своих бремя поражения. Ведь все мы отлично знаем: то, что начинается с оговорки в школьном спектакле, с неумения танцевать лучше, чем другие, с пущенного вслед замечания, мол, ноги слишком тонкие или голова слишком большая, — все это случается с каждым — может получить два совершенно различных пути развития.

Одни — их очень немного — решают отомстить обидчикам и стать лучшими в той сфере, где их все считали ни к чему не годными. «Когда-нибудь вы все мне позавидуете», — думают они.

А вот большинство смиряется, посчитав, что так оно и есть и так тому, значит, и быть, и тогда все неуклонно ухудшается. Эти дети вырастают неуверенными в себе, чересчур послушными (что не мешает им мечтать о том прекрасном дне, когда они обретут свободу и смогут делать что захотят), выходят замуж для того лишь, чтобы не сказали, будто никто не хотел на них жениться (хотя продолжают считать себя уродинами), заводят детей, чтобы не думали, будто они бесплодны (хотя и в самом Деле мечтали о детях), тщательно одеваются, чтобы не сказали, будто они лишены вкуса (хотя уверены, что эти слова все равно прозвучат — что ни наденешь).

Ее провал в школьном спектакле забылся уже через неделю. Но Габриэла дала себе слово, что когда-нибудь вернется сюда на белом коне — всемирно известной актрисой, в окружении телохранителей, секретарей, фоторепортеров и легиона фанатов. Она сыграет благотворительный спектакль для брошенных детей — ту же самую «Алису», и это станет сенсацией, и ее бывшие одноклассники скажут тогда: «Мы ведь с ней когда-то ходили по одной сцене!»

Мать хотела, чтобы она стала инженером-химиком, и по окончании школы родители отправили ее в Иллинойский технологический институт. Днем она изучала полинуклеотиды и структуру бензоатов, а по вечерам — актерское мастерство, оплачивая занятия из тех денег, которые присылали ей на прожитие, покупку одежды и учебников. У нее были превосходные наставники — настоящие профессионалы театрального дела. Ее хвалили, давали ей рекомендательные письма, она (втайне от родителей) сыграла в спектакле о Лоуренсе Аравийском, где исполнила танец живота.

Габриэла принимала любые предложения, надеясь, что в один прекрасный день в партере может оказаться какая-нибудь знаменитость. И тогда она попадет на настоящие пробы, дни испытаний останутся позади, и место под солнцем — то бишь под светом софитов — будет завоевано.

Меж тем проходили годы. Габриэла снималась в телевизионных роликах, рекламирующих зубную пасту, работала фотомodelью, а однажды с трудом поборола искушение ответить согласием на предложение некоей фирмы, предлагавшей «эскорт-услуги» — потому что ей отчаянно нужны были деньги, чтобы приготовить портфолио и разослать его по ведущим модельным и актерским агентствам США. Но Бог — в которого она не утратила веры — спас. В этот же день она подписала контракт на съемки видеоклипа одной японской певицы, которые

должны были проходить под виадуком чикагской надземки. Заплатили ей больше, чем она рассчитывала (судя по всему, продюсеры выбили для иностранной группы несусветную сумму), и на эти деньги она сумела наконец издать портфолио, которое тоже, впрочем, обошлось гораздо дороже, чем можно было ожидать.

Она неустанно повторяла себе, что все у нее еще впереди, хотя дни и месяцы так и мелькали. Ей, в студенческие годы игравшей Офелию, жизнь теперь предлагала рекламу дезодорантов и ночных кремов. Отправляясь в агентство со своим портфолио и рекомендательными письмами от учителей, друзей и тех, с кем ей приходилось работать, она всегда встречала в приемной нескольких девушек, похожих на нее: все они улыбались, все ненавидели друг друга и готовы были на что угодно, лишь бы только «засветиться», как называлось это на языке профессионалов.

Ждать приходилось долго и, убивая время, она читала книги, учившие искусству медитации и позитивного мышления. Но вот наставал ее черед — и она оказывалась перед столом, и тот — или та — кто сидел(а) за ним, не обращая внимания на рекомендации, принимался молча, без комментариев, листать альбом с фотографиями. Потом записывал ее имя. Иногда ей предлагали пройти *кастинг*, но удача улыбалась один раз из десяти. И тогда она, такая уверенная в своем таланте, приходила на съемку, и фотограф бесцеремонно командовал: «Держись свободней, улыбнись, повернись направо, подбородок ниже, облизни губы».

И вот готово — снят очередной ролик о новом сорте кофе.

Бывало, ее подолгу не звали, и Габриэла поначалу страдала от жгучей обиды, чувствовала себя обойденной, отвергнутой. Но со временем научилась примиряться с этим, твердя про себя, что проходит своего рода пробы, испытание на упорство и силу воли. Она отказывалась верить, что и рекомендательные письма, и CV, и полученное ею образование — все это ничего решительно не значит и ничем не поможет...

Зазвонил мобильный.

...ничем... ничего.

Телефон продолжал звонить.

Не сознавая толком, что происходит — мысли ее были устремлены в прошлое, Габриэла, продолжая смотреть на табачный ларек и девочку с шоколадкой, нажала кнопку.

Голос в трубке сообщил, что через два часа ее приглашают на пробы.

НА ПРОБЫ!

В Каннах!

Стало быть, не зря она перелетела через океан и сошла с трапа в городе, где все отели были переполнены, и оказалась в компании девушек (полька, две русских, бразильянка), которые после долгих бесплодных попыток отыскивали за безумные деньги двухкомнатную квартиру. Не зря столько лет испытывала она судьбу в Чикаго, ездила время от времени в Лос-Анджелес искать себе новых агентов, не зря позировала для рекламных фотографий, снималась в клипах, выслушивала отказы! Теперь ее будущее — в Европе!

Через два часа?

Ехать в автобусе не было решительно никакой возможности — она не знала маршрутов. Арендванная квартира находилась на вершине холма, откуда Габриэла спускалась пока только дважды: один раз — когда разносила свои резюме, второй — вчера, когда отправилась на эту малозначительную вечеринку. Оказавшись внизу, она голосовала, выбирая одиноких мужчин за рулем дорогих открытых машин. Всем известно, что Канна — место безопасное, и каждая девушка уверена, что красота — большое подспорье в таких ситуациях, но сейчас Габриэла не могла рассчитывать на случайную удачу. На пробы опаздывать нельзя — эту заповедь внушают претенденткам в каждом актерском агентстве. Кроме того, она успела заметить, какие в городе

пробки. Так что оставалось только одеться и бежать бегом. Через полтора часа она будет в том отеле, где остановилась продюсерша: Габриэла запомнила ее еще со вчерашнего дня, когда разносила свое резюме.

Оставалась единственная и вечная проблема: что надеть?

Она яростно атаковала свой чемодан и вытащила оттуда джинсы Armani, сшитые в Китае и за бесценок купленные на черном рынке в предместье Чикаго. Никто бы не сказал, что это подделка, тем паче, что это и не подделка: все знают, что китайцы поставляют восемьдесят процентов продукции в магазины, тогда как остальные двадцать поступают в продажу контрабандой.

...и белую блузку DKNY,^[3] стоившую дороже джинсов; Габриэла, верная своим принципам, знала: чем скромней — тем лучше. Никаких мини и смелых декольте — потому что если на пробы пригласят других претенденток, все они будут одеты именно так.

Немного поколебавшись, она наложила более чем умеренный макияж, а губы подкрасила совсем едва заметно.

На все это ушло пятнадцать драгоценных минут.

Людей удовлетворить невозможно. Те, у кого мало, хотят, чтобы стало много. А у кого много, хотят еще больше. А получив еще больше, желают быть счастливы малым, однако неспособны сделать для этого усилие.

Неужели они не понимают, как просто устроено счастье? Чего хочет, например, эта мелькнувшая мимо девушка в джинсах и белой блузке? Куда она так спешит? Какая безотлагательная надобность не дает ей созерцать этот ясный солнечный день, морскую синеву, пальмы вдоль набережной, детей в колясках?

«Не беги, девушка! Все равно не убежишь, не спрячешься от двух самых главных явлений в жизни человека — от Бога и от смерти. Бог сопровождает каждый твой шаг и досадует, что ты не обращаешь внимания на чудо жизни. А смерть? Ты ведь только что прошла мимо трупа и ничего не заметила».

Игорь уже несколько раз прошел мимо того места, где было совершено убийство. Но в какой-то момент понял, что своим мельканием может навлечь на себя подозрения, и решил отойти на почтительное расстояние метров в двести и наблюдать оттуда, опершись на перила ограждения и надев темные очки (они не только спасают от яркого света, но и служат здесь, среди знаменитостей, атрибутом статуса).

Удивительно — уже почти полдень, а никто пока не заметил мертвое тело на центральном проспекте города, к которому сейчас приковано внимание всего мира.

Но вот к скамейке подходят мужчина и женщина и, увидев, что девушка не работает, в гневе принимаются на нее кричать. Мужчина — это, вероятно, отец — яростно трясет Спящую Красавицу за плечи. Женщина наклоняется над ней, закрывая обзор.

Игорь знает точно, что сейчас будет.

Раздастся пронзительный женский крик. Отец отпрянет в ужасе, выхватит из кармана мобильник. Мать начнет тормозить девушку, не подающую признаков жизни. Соберутся прохожие. Вот теперь, сняв свои черные очки, и он может подойти поближе — еще один из многих любопытствующих.

Отстранив плачущую мать, которая обнимает девушку, какой-то молодой человек пытается сделать искусственное дыхание, но тут же оставляет свои попытки — лицо Оливии уже успело приобрести легкую синюшность.

— Вызовите «скорую»! Вызовите «скорую»!

Несколько человек одновременно набирают один и тот же номер, все сознают свою нужность, важность, отзывчивость. Уже слышен приближающийся вой сирен. Мать кричит все громче и надрывней, отталкивая тех, кто пытается ее успокоить. Кто-то обхватывает бездыханное тело, пробуя приподнять и усадить мертвую девушку, другой советует не тратить времени, пусть лежит как лежит — слишком поздно что-либо предпринимать.

— Ясное дело, передозировка наркотиками, — замечает третий. — Нынешняя молодежь...

Остальные кивают, соглашаясь. Игорь продолжает бесстрастно наблюдать за тем, как подъехавшие парамедики достают из машины дефибрилляторы, пытаются провести реанимацию, а старший над ними молча смотрит, понимая, что ничего уже сделать нельзя, но не препятствует их усилиям, чтобы его подчиненных не обвинили в халатности. Носилки с телом Оливии задвигают в салон «скорой», мать цепляется за них, санитары после недолгого сопротивления разрешают ей сесть в машину, и та срывается с места.

С того момента как родители обнаружили свою дочь, и до отъезда «скорой» прошло никак не больше пяти минут. Оторопелый отец стоит на прежнем месте, не зная, куда ему идти и что

делать. Тот, кто высказался недавно насчет наркотиков, подходит к нему и, не понимая, с кем разговаривает, повторяет свою версию случившегося:

— Ничего особенного. Такое бывает здесь чуть ли не каждый день.

Отец не реагирует. Сжимает в руке телефон и смотрит в пустоту. Он либо не понял, либо не знает, что же такое бывает здесь чуть ли не каждый день, либо находится в шоковом состоянии, стремительно перебросившем его в то неведомое измерение, где душевной боли не существует.

И толпа исчезает так же стремительно, как возникла. Остаются лишь двое мужчин: один — с зажатым в руке телефоном, другой — в темных очках.

— Вы знали эту несчастную? — осведомляется Игорь. Ответа нет.

Лучше всего последовать примеру остальных — и продолжать прогуливаться по набережной Круазетт, наблюдая за тем, что происходит в Каннах в это солнечное утро. Игорь и сам не в силах объяснить себе, что испытывает сейчас, разрушив вселенную, которую не смог бы восстановить, даже будь он всемогущ. Заслуживает ли этого Ева? Девушка — он знает, что ее звали Оливия, и это беспокоит его, ибо она перестала быть всего лишь безмянным лицом в толпе, — могла бы произвести на свет гения, который изобрел бы средство против рака или придумал бы, как сделать так, чтобы на земле наконец установился мир. Он, Игорь, пресек бытие не одного человека, а всех поколений, которые могли бы родиться от него. Неужели любовь, как бы неистова и велика она ни была, способна оправдать такое?

Он ошибся с первой жертвой. Она никогда не станет известием, Ева не получит его сообщение.

«Думать тут не о чем: что случилось, то случилось, — сказал он себе. — Готовься пойти дальше и пройти дальше. Девушка стала жертвой твоей огромной любви. Оглянись по сторонам, посмотри, что происходит в городе, веди себя как ни в чем не бывало — свою чашу страданий ты уже испил и теперь имеешь право жить уютно и покойно. Ты — на Каннском кинофестивале. Ты готовишься».

Даже будь он в купальном костюме, добраться до берега было бы трудно. Судя по всему, каждый отель владеет огромными пространствами песчаных пляжей и расставляет там свои топчаны и зонтики, метит своими логотипами, посылает туда своих официантов и охранников, которые требуют предъявить ключ от номера или иное доказательство того, что тыходишь в число постояльцев. Под огромными белыми навесами проходят презентации нового фильма, нового сорта пива или нового косметического средства. Там люди одеты «нормально», то есть мужчины — в ярких цветастых рубашках и светлых брюках, а женщины — в легких платьях, в бермудах и в туфлях на низком каблуке.

Те и другие — в темных очках. Ни те, ни другие не демонстрируют своей физической привлекательности, ибо представители Суперкласса давно перешли эту грань и всякий «напоказ» выглядел бы в их глазах в лучшем случае нелепо и жалко.

Игорь отметил еще, что все они не расстаются с мобильными телефонами — это важнейшая часть их снаряжения.

Очень важно принимать звонки, ежеминутно прерывая разговор, чтобы ответить на вызов, не имеющий на самом деле никакой срочности, или набрать пространный текст эсэмэс-сообщения. Давно позабыв, что эти три буквы расшифровываются как *shortmessageservice*, люди щелкают по маленькой клавиатуре сотового телефона так, словно это пишущая машинка. И разве имеет значение, что дело это неудобное и довольно утомительное и что от него болят пальцы?! Не только в Каннах, но и по всему миру в этот самый миг эфир заполнен такими вот, например, восклицаниями: «Привет, любовь моя, я проснулся сегодня с мыслью о тебе, как хорошо, что ты есть в моей жизни!», или: «Буду через десять минут, приготовь обед и отправь белье в прачечную», или: «Здесь смертная тоска, но больше пойти было некуда, а ты где?»

Проговорить это все можно за десять секунд, а набрать и отослать — самое меньшее минут за пять, но так уж устроен мир. И кому же это знать, как не Игорю, зарабатывающему сотни миллионов долларов благодаря тому обстоятельству, что телефон давно уже перестал быть средством связи: его незримый провод превратился в ариаднину нить, в способ удостовериться, что ты не один на этом свете, и доказать всем остальным собственную значимость.

И этот механизм ведет мир к полному слабоумию и вырождению. Хитроумная система, созданная в Лондоне, каждые три минуты и всего за пять евро в месяц предлагает такую услугу: перед тем как начать разговор с человеком, на которого вы хотите произвести впечатление, нужно сначала позвонить по определенному номеру и активировать систему. И тогда посреди вашего разговора раздастся трель, вы достанете телефон из кармана, прочтете сообщение и скажете: «Ничего, это может подождать» (конечно может: сообщение содержит всего три слова: «По вашей просьбе» и час). Ваш собеседник почувствует себя лицом более значительным, и деловые переговоры пойдут веселей, ибо он знает, что имеет дело с очень занятым человеком. Через три минуты придет новое сообщение, напряжение возрастет, и вы сами вправе решить, разойтись ли минут на пятнадцать или снова показать, как вам важен этот разговор.

И лишь в одной-единственной ситуации мы соглашаемся выключить телефон. Нет-нет, не на официальном обеде, не на театральной премьере, не в зале кинотеатра, когда на экране — самый напряженный эпизод, и когда каждому из нас приходилось слышать мелодичный сигнал вызова. Но только в тот миг, когда при посадке в самолет слышится всегдашнее вранье: «Во избежание помех просим вас во время полета не пользоваться телефонами», — мы способны испугаться, поверив, что это на самом деле так.

Игорю ли не знать, когда был сотворен этот миф: Давным-давно авиакомпания задались целью во что бы то ни стало внедрить в обиход разговоры по телефону с борта самолета. Минута стоила десять долларов, а система соединения была та же самая, какую используют операторы сотовой связи. Ничего из этого не получилось, но исключить этот пункт из списка запретов, читаемого стюардессой перед взлетом, просто позабыли. И никто не знает, что в каждом самолете найдется непременно два-три человека, не ставшие отключать свои сотовые, что ноутбуки выходят в интернет через ту же систему, которая позволяет функционировать мобильным телефонам, — и нигде, ни в одной стране мира авиакатастрофы по этой причине пока не случилось.

Теперь эту легенду пытаются несколько модернизировать и привести в соответствие с реальностью, в то же время удерживая цены на заоблачных высотах — по сотовым можно звонить, если будет использована навигационная система самолета. Стоить будет вчетверо дороже. Никто толком не объясняет, что это такое — «навигационная система самолета...». Но если люди позволяют себя обманывать, то это в конце концов их личное дело.

Игорь идет дальше. Воспоминание о том, как в последний раз взглянула на него Оливия, вселяет в душу тревогу, но он старается поскорее забыть об этом.

Охранники, темные очки, бикини, одежда, выдержанная в светлых тонах, драгоценности, люди, которые торопятся так, словно им в это утро предстоит какое-то важное дело, фотографии на каждом шагу, пытающиеся выполнить неисполнимую задачу и заснять нечто новенькое и невиданное, бесплатные газеты, журналы и пресс-релизы, рассказывающие о фестивале, распространители буклетов, обращенных к тем простым смертным, которых не пригласили под белые навесы, и рекламирующих рестораны на склоне холма, где никто не говорит о том, что случилось сегодня на набережной Круазетт, и где модели снимают вскладчину квартиру, надеясь, что их пригласят на кастинг и жизнь их волшебным образом преобразится.

Все это так ожидаемо. Все это следовало предвидеть. Если он решит сегодня прийти на одну из этих презентаций, никто не станет чинить ему препятствий, потому что час еще ранний и промоутеры опасаются, что публика не соберется. Однако уже через полчаса охранники получают строгий приказ пропускать только красивых девушек без спутников.

Так отчего бы и не попробовать?

Повинуясь внутреннему побуждению, ибо он выполняет здесь некую миссию, Игорь спускается вниз, но дорожка приводит не на берег, а к огромному белому шатру с пластиковыми окнами, кондиционированным воздухом, расставленными внутри светлыми столами и пока еще не занятыми стульями. Один из охранников у входа спрашивает, имеется ли у него приглашенный билет, и он отвечает: «Имеется». Роется в карманах, делая вид, что ищет приглашение. Девушка в красном осведомляется, чем она может помочь.

Он протягивает ей свою визитную карточку с логотипом компании и словами «Игорь Малеев, президент». Уверяет, что, конечно, занесен в список, но оставил приглашенный билет в отеле — забыл захватить его с собой после нескольких деловых встреч. Девушка отвечает: «Добро пожаловать», — и жестом приглашает войти — она давно уже овладела искусством оценивать людей по их манере одеваться, а кроме того, слово «президент» в любом уголке мира значит одно и то же. А тут — еще и президент российской компании! Все знают, что богатые русские очень любят показывать, что просто купаются в деньгах. Она даже не сверяется с перечнем гостей.

Игорь входит и направляется к бару — под этим белым полотняным навесом есть все что душе угодно, включая танцпол, — и заказывает ананасовый сок, потому что по цвету он гармонирует с интерьером.

И еще потому, что из стакана, украшенного маленьким японским зонтиком, торчит черная трубочка-соломинка.

Он присаживается за один из пустующих столиков. Среди немногочисленных пока гостей заметен человек лет за пятьдесят с крашеными под цвет красного дерева волосами, ненатурально бронзовой кожей, чрезмерно рельефной мускулатурой, развитой не спортом, а изнурительными упражнениями в одном из тех фитнес-клубов, что обещают своим клиентам вечную молодость. На нем поношенная футболка, а рядом с ним сидят еще двое мужчин в строгих, безупречно сшитых костюмах-тройках. Эти двое поворачивают головы к вошедшему, а Игорь отводит глаза. Оценив его, оба теряют к нему интерес.

Игорь же продолжает наблюдать, пользуясь тем, что темные очки скрывают направление взгляда.

На столике перед человеком в футболке лежит телефон, а оба его спутника непрерывно отвечают на звонки своих мобильных.

Интересно, что такого непрезентабельного субъекта — почти оборванца, уroda, считающего себя красавцем, — не только впустили сюда, но и усадили на почетное место. Телефон его отключен. Вокруг вьется официант, то и дело осведомляясь, не угодно ли чего-нибудь. Крашенный не достаивает его ответом, обозначая отказ лишь движением руки. Игорь понимает, что это — птица очень, очень высокого полета.

Он протягивает официанту, который ставит на стол прибор, купюру в пятьдесят евро и, глазами показав в сторону человека в голубой майке, спрашивает вполголоса:

— Кто это такой, не знаете?

— Джавиц Уайлд. Большая шишка.

Ах, вот как. Что ж, тем лучше. Это вам не безвестная девчушка, продающая кустарные сувениры. Джавиц Уайлд подходит идеально. Он — не знаменитость, но какая-то шишка. Один из тех, кто решает, кому стоять в свете юпитеров, но сам-то он туда не стремится, ибо знает себе

цену. Один из тех, кто дергает за ниточки, заставляя своих марионеток считать себя избранниками, которым завидует весь мир. Дергает, а потом в один прекрасный день без объяснения причин перерезает шнурочек, и куклы безжизненно и бессильно падают.

Он из Суперкласса.

А это значит: друзья у него ненастоящие, зато враги — самые что ни на есть подлинные.

— Еще один вопрос. Как, по-вашему, допустимо разрушать миры во имя великой любви?

Официант смеется:

— Вы — Господь Бог или гей?

— Ни то, ни другое. Но спасибо, что ответили так, как ответили.

Он понимает, что действовал неправильно. Во-первых, для оправдания того, что он делает, он не нуждается ни в чьей поддержке. Он думает так: если все когда-нибудь умрут, почему бы кому-то не потерять жизнь во имя великой любви? Так повелось от начала времен, когда мужчины жертвовали собой, чтобы прокормить свои племена, а девственниц отдавали жрецам, чтобы умиловать драконов или богов. А во-вторых, он совершенно напрасно привлек к себе внимание постороннего человека, выказав интерес к гостю в футболке.

Официант, разумеется, уже забыл об этом, и все же не следует рисковать без нужды. Игорь говорит себе, что все это вполне естественно: на кинофестивале все про всех хотят знать всё, и за эти сведения принято платить. Он делал это сотни раз по всему миру, и, можно не сомневаться, кто-то платил официанту, чтобы узнать про него, Игоря. Официанты не только привыкли к такому поведению, но и ожидают его.

Нет, он ни о чем не собирается вспоминать. Перед ним — очередная жертва. Если удастся довести план до конца и официанта будут допрашивать, он, конечно, скажет, что все, мол, в этот день было как всегда, разве что какой-то посетитель осведомлялся, позволительно ли ради великой любви разрушать другие миры. А может быть, он уже и забыл про эту фразу. Полицейские спросят: «Как он выглядел?», а он ответит: «Не обратил внимания, но точно — не гей». Полицейские привыкли, что в эти дни в барах сидят интеллектуалы, собирающие материал для зубодробительных исследований о, например, социологических аспектах Каннского кинофестиваля.

И все же одно его тревожило. Имя. Имена.

Ему уже приходилось убивать раньше — по приказу и с благословения своей страны. Он не знает, скольких именно, он редко видел их лица и никогда — ни разу в жизни — не спрашивал, как их зовут. Ибо это означало бы увериться в том, что перед тобой — живое существо, а не противник. Имя превращает абстрактное понятие «враг» в нечто уникальное и особенное, имеющее прошлое и будущее, предков и, возможно, потомков, переживающее взлеты и падения. Человек есть его имя, он гордится им, он повторяет его тысячи раз на протяжении жизни, он выделен им и опознан. Это первое, что он научается произносить после слов «мама» и «папа». Оливия. Джавиц. Игорь. Ева.

А у духа имени нет, он на какой-то срок заключен в оболочку этого тела и однажды покинет его, и когда на Страшном суде предстанет Господу, тот и не подумает осведомиться: «Ты кто?» — а спросит лишь: «Ты при жизни любил?» Суть бытия заключена именно в этом — в способности любить, а не в имени, которое мы носим с собой в паспортах, визитных карточках, водительских удостоверениях. Великие мистики меняли себе имя, а иногда и вовсе навсегда отказывались от всякого имени. Когда Иоанна Крестителя спросили, кто он, в ответ слышали: «Глас вопиющего в пустыне». Повстречав своего будущего сподвижника, Иисус пренебрег тем, что тот всю жизнь отзывался на имя Симон, и стал называть его Петр. Моисею, спросившему имя Бога, было сказано: «Я есмь».

Быть может, надо подыскать себе другую жертву. Довольно и того, что у первой было имя

— Оливия. Однако в тот же миг Игорь чувствует, что отступить нельзя и некуда, хоть и решает никогда больше не спрашивать имя той галактики, которую собирается уничтожить. Отступить нельзя, потому что это будет несправедливо по отношению к бедной, совершенно беззащитной девушке на пляже — добыче столь легкой и столь сладостной. Ему брошен новый выбор, принявший обличье этого вот псевдоатлета: у него крашенные в цвет красного дерева волосы, скучающий взгляд и, судя по всему, реальная власть. С ним справиться будет гораздо труднее. Двое в костюмах-тройках — это не просто помощники: видно, как они постоянно вертят головами, оглядывая пространство вокруг, фиксируя все происходящее. Если он, Игорь, хочет быть достойным Евы и справедливым к Оливии, придется показать свою отвагу.

Он оставляет соломинку в бокале. Скоро здесь будетлюдно и шумно. Надо лишь подождать до тех пор, пока павильон заполнится людьми, а это не займет много времени. И точно так же, как он не планировал уничтожение мира среди бела дня, на набережной Круазетт, он и сейчас не знает, как исполнит свое намерение. Однако чутье подсказывает, что место выбрано безошибочно.

Он больше не думает о бедной девушке с набережной: в кровь впрыснут адреналин, сердце бьется учащенно, он доволен и возбужден.

Джавиц Уайлд не станет тратить время на то, чтобы бесплатно поесть и выпить на очередном из бесчисленных «мероприятий», куда его приглашают из года в год. Если уж он сидит здесь, значит, ему что-то нужно. Что-то или кто-то.

И это будет для Игоря железным алиби.

Джавиц, наблюдая за тем, как павильон заполняется прибывающими гостями, неотступно думает все об одном:

«Что я здесь делаю? Мне же ничего не нужно. Впрочем, мне вообще почти ничего не нужно. У меня есть все, что хочу. Я знаменит в киномире, я могу получить любую женщину, которая мне понравится, хотя я уродлив и плохо одет. И меняться не хочу. Давно минули те времена, когда у меня был один-единственный костюм, а в тех редких случаях, когда после долгих унижений и просьб меня все-таки приглашали на подобные мероприятия, я готовился к ним так, словно ничего важнее и быть не может. Сегодня я знаю, что меняется только название города, а все прочее можно угадать наперед, и ничего, кроме отвращения, это у меня не вызывает.

Одни будут говорить, как ценят мою работу. Другие назовут меня героем и поблагодарят за то, что я даю шанс людям. Красивые и умные женщины, умеющие встречать не по одежке, заметят толчею у моего стола и спросят гарсона, кто я такой, а потом постараются как-то приблизиться, познакомиться, потому что убеждены: кроме секса, меня ничто не интересует. Все, все без исключения о чем-то хотят меня попросить. Ради этого мне льстят, меня превозносят, мне предлагают то, что, по их мнению, может мне понадобиться. А мне нужно только одиночество.

Я побывал уже на тысяче подобных приемов. И пришел сюда просто так, безо всякого повода, да притом еще и не выспался. Я прилетел в Канны на собственном самолете: это истинное чудо современной техники способно на высоте одиннадцать тысяч метров покрыть расстояние от Калифорнии до Франции без дозаправки. Я изменил его конфигурацию и из восемнадцати кресел в салоне оставил только шесть для того, чтобы на вечный вопрос: «Не захватишь ли меня с собой?» с чистой совестью отвечать: «К сожалению, нет мест».

Джавиц оборудовал свою новую игрушку, обошедшуюся ему в сорок миллионов долларов, всем необходимым, чтобы в полете можно было заниматься делами, вести переговоры, отдыхать и развлекаться. Сам он пил только шампанское, и каждый, кто хотел, мог насладиться за компанию с ним бокалом *Moet & Chandon* 1961 года, но на борту имелось спиртное всех видов и на любой вкус. И две огромных лазерных панели были всегда готовы показать новейшие, еще не вышедшие в прокат фильмы.

Его лайнер был одним из лучших в мире (что бы там ни говорили французы, уверявшие, что и *Dassault Falcon* обладает непревзойденными летными качествами), но сколь бы ни был Джавиц влиятелен и богат, даже ему не под силу было совладать с *джет-лэг*^[4]: в Лос-Анджелесе без четверти четыре утра, а он только теперь начал ощущать настоящую усталость. Всю ночь он не спал, переходя с одной вечеринки на другую и повсюду отвечая на два дурацких вопроса, с которых неизменно начиналась любая беседа. Сначала спрашивали:

— Благополучно долетели?

На что Джавиц отвечал всякий раз:

— Как видите.

Задавший вопрос терялся, не зная, что на это сказать, бледно улыбался и осведомлялся:

— Надолго сюда? — и слышал:

— Будет видно.

И Джавиц, сделав вид, что должен ответить на звонок мобильного, извинялся и отходил в сторону вместе со своими вечными спутниками.

Никто не его интересовал. Да и кто бы мог представлять интерес для человека, обладавшего

практически всем, что можно купить за деньги? Он пытался менять круг общения, заводя друзей из среды, не имевшей никакого отношения к кино, — знакомился с философами, писателями, цирковыми артистами. Поначалу увлекался этими новыми людьми — но затем следовала неизменная просьба просмотреть сценарную заявку-синопсис либо столь же обязательная сакраментальная фраза: «У меня есть друг (подруга), который(ая) так мечтает сниматься в кино! Ты бы не согласился встретиться с юным дарованием?»

Нет, не согласился бы. Помимо работы у него было чем заняться в жизни. Раз в месяц летать на Аляску, напиваться в первом попавшемся баре, есть пиццу, выискивать нетронутые уголки дикой природы, разговаривать со стариками в маленьких городках. Два часа ежедневно он проводил в тренажерном зале, но все равно страдал от избыточного веса, и врачи опасались за его сердце. Он ходил в зал не ради поддержания формы — это его не интересовало, — а чтобы сбросить напряжение, не отпускаящее ни на секунду и порою становившееся столь невыносимо тяжким, что казалось — сейчас это бремя его раздавит. Он занимался активной медитацией, пытаясь исцелять ею душевные раны. Иногда, оказываясь среди тех, кто не знал его, он расспрашивал этих случайных знакомых о том, что же такое «нормальная» жизнь, ибо сам уже давно о ней позабыл. Отвечали ему по-разному, и со временем он убедился, что пребывает в полнейшем одиночестве, хотя постоянно окружен людьми.

И в конце концов, руководствуясь не столько этими ответами, сколько собственными наблюдениями, он составил перечень того, что должно входить в понятие «нормы».

Джавиц оглядывается по сторонам. Замечает человека в темных очках — он потягивает фруктовый сок и, ни на кого не обращая внимания, с отчужденным видом созерцает море. Седеющий, красивый, элегантный. Пришел одним из первых и наверняка знает, кто такой Джавиц, однако не сделал попытки представиться. Мало этого, ему еще хватает смелости сидеть в одиночестве, а одиночество в Каннах — верный признак того, что тобой никто не интересуется, что ты — существо незначительное, невлиятельное и лишенное связей.

Он чувствует нечто похожее на зависть по отношению к этому человеку — к его независимости и свободе. Он хотел бы поговорить с ним, но слишком устал.

Он поворачивается к одному из своих неразлучных спутников:

— Что такое «нормальный человек»?

— У тебя совесть нечиста? Считаешь, что совершил такое, чего не должен был совершать?

Джавиц Уайлд понимает, что обратился не с тем вопросом и не к тому человеку. Теперь, быть может, тот будет думать, что он в чем-то раскаивается и хочет начать с чистого листа. Да ничего подобного. А если бы даже совесть и мучила, все равно — уже слишком поздно возвращаться в отправную точку: он знает правила игры.

— Я спрашиваю, что такое «нормальный человек»? «Спутник» немного сбит с толку. Его товарищ по-прежнему зорко наблюдает за всем, что происходит вокруг.

— Ну, это тот, у кого нет никаких амбиций... Джавиц достает из кармана листок, кладет его на стол:

— Я с ним не расстаюсь. И постоянно добавляю новые пункты.

Один отвечает, что сейчас не может просмотреть его — занят наблюдением. А второй, чувствуя себя более непринужденно и уверенно, начинает читать:

Нормальный человек считает нужным:

1. Забыть, кто он такой и чего желает, чтобы это не мешало производить, воспроизводить и зарабатывать деньги.

2. Признавать законы и обычаи войны, установленные Женевской конвенцией.

3. Тратить годы на обучение в университете, чтобы потом не найти работу.
4. Заниматься с девяти утра до пяти вечера тем, что не приносит ни малейшего удовольствия, чтобы по прошествии тридцати лет выйти на пенсию.
5. Выйти на пенсию, обнаружить, что сил наслаждаться жизнью уже не осталось, и очень скоро умереть от тоски.
6. Пользоваться ботоксом.
7. Понимать, что власть гораздо важнее, чем деньги, а деньги — важнее счастья.
8. Высмеивать тех, кто вместо денег стремится к счастью, и называть их «людьми, лишенными амбиций».
9. Сопоставлять все предметы и явления в той же системе координат, что и машины, квартиры, вещи, не пытаясь постичь истинный смысл того, зачем и ради чего он живет.
10. Не разговаривать с незнакомыми. Скверно отзываться о соседях.
11. Считать, что родители всегда правы.
12. Жениться, произвести потомство, жить вместе и после исчезновения любви, уверяя, что это нужно ради детей (словно они не слышат ежедневных ссор родителей).
13. Осуждать всякую попытку быть иным.
14. Просыпаться от истерической трели будильника.
15. Верить каждому слову, напечатанному типографским способом.
16. Повязывать на шею кусок разноцветной материи, не имеющий никакого функционального назначения и носящий гордое имя «галстук».
17. Никогда не задавать вопросы прямо, даже если собеседник отлично понимает, что имелось в виду на самом деле.
18. Сохранять на лице улыбку, хотя отчаянно хочется плакать. И жалеть всех, кто демонстрирует свои истинные чувства.
19. Считать, что искусство стоит огромных денег или не стоит ничего.
20. Презирать все, что не стоило больших трудов подучить, ибо ради доставшегося просто так не пришлось «идти на жертвы» и значит, оно не обладает необходимыми достоинствами.
21. Следовать моде, даже если она представляется нелепой и неудобной.
22. Пребывать в глубокой уверенности, что у каждой знаменитости скоплены огромные сокровища.
23. Тратить деньги на внешнее благообразие и мало заботиться о душевной красоте.
24. Доказывать всеми возможными средствами, что он хоть и «нормальный» человек, но стоит неизмеримо выше всех прочих.
25. В метро или автобусе стараться не смотреть никому прямо в глаза, чтобы это не истолковали как попытку обольщения.
26. При входе в лифт поворачиваться лицом к дверям и делать вид, будто пребывает в полном одиночестве — вне зависимости от того, сколько человек набилось в кабину.
27. Никогда не хохотать в ресторане, как бы ни рассмешил его рассказанный анекдот.
28. В Северном полушарии одеваться не по погоде, а сообразно времени года.
29. В Южном полушарии украшать ветви елочки ватой, символизирующей снег, даже если зима не имеет никакого отношения к рождению Христа.
30. Становясь старше, ощущать себя хранителем всей мировой мудрости, даже если ему не доведется прожить столько, сколько необходимо, чтобы убедиться в своей ошибке.
31. Посещать благотворительные чаепития, полагая, что этого совершенно достаточно, чтобы покончить с социальным неравенством.
32. Есть три раза в день, независимо от того, хочется или нет.

33. Свято верить, что другие люди превосходят его во всем — они красивей, умней, богаче, сильнее. И что пытаться раздвинуть собственные границы очень рискованно: лучше уж вообще ничего не делать.

34. Использовать автомобиль как сокрушительное оружие, делающее неуязвимым.

35. Изрыгать брань по адресу других водителей.

36. Считать, что если твой сын что-то делает неправильно — это результат того, что он попал в «дурную компанию».

37. Сочетаться браком с темной, кто может предложить завидное положение в обществе. Любовь подождет.

38. Всегда говорить: «Я пробовал», даже если и не попытался.

39. Оставить все самое интересное в жизни на потом, когда для этого уже не будет сил.

40. Не впасть в депрессию от ежедневного многочасового бдения у телевизора.

41. Твердо верить, что все добытое и завоеванное принадлежит ему навеки.

42. Считать, что женщины не любят футбол, а мужчины — готовить и наряжаться.

43. Во всем всегда винить правительство.

44. Быть непреложно убежденным в том, что доброта, отзывчивость, уважительное отношение к другим будут этими другими истолкованы как слабость, уязвимость и возможность легко им манипулировать.

45. А также — в том, что напористая грубость в общении с другими людьми воспринимается как черта сильной личности.

46. Бояться фиброскопии (если ты мужчина) и родов (если — женщина).

— Тебе бы стоило снять фильм об этом... — засмеялся один из «друзей».

«Еще один фильм. Они не умеют думать ни о чем другом. Не знают, что я делаю, хотя не расстанутся со мной ни на минуту. Я ведь не снимаю фильмов».

Работа над фильмом начинается с того, что некто, именуемый продюсером, прочел какую-то книгу или проникся блестящей идеей за время поездки по автостраде Лос-Анджелеса, похожего на один огромный пригород. И вот в одиночестве, в машине он придумывает, как воплотить эту идею на экране.

Прежде всего он узнает, можно ли приобрести права на экранизацию книги. Если нельзя, то отправляется искать в качестве исходного материала что-нибудь другое — в конце концов только в Соединенных Штатах ежегодно выходит 60 тысяч новых книг. Если же можно, то звонит автору и предлагает ему продать права на экранизацию за весьма скромную сумму. Предложение это, как правило, принимается, потому что попасть на фабрику грез мечтают не только актеры и актрисы: каждому автору льстит, когда написанные им слова превращаются в образы.

Договариваются пообедать вместе. Продюсер говорит, что «книга — настоящий шедевр и просто просится на экран», автор же ее — «гений, который заслуживает славы». Писатель сообщает, что работал над романом пять лет, и изъявляет желание принять участие в работе над сценарием. «А стоит ли, здесь ведь своя специфика, — слышит он в ответ. — Но я вам обещаю — результатом останетесь довольны».

Затем произносится фраза: «Мы бережно сохраним дух вашей книги». Причем обоим собеседникам известно, что это — ложь, причем полнейшая и бесстыдная.

Писатель думает, что на этот раз он примет предложенные ему условия, обещая самому себе, что уж в следующий — проявит твердость и неуступчивость. И соглашается. Продюсер рассказывает, что в будущем фильме в главных ролях снимутся такие-то и такие-то звезды, — и это тоже ложь, которая, однако, повторяется каждый раз, когда надо кого-нибудь улестить. Он покупает так называемый «опцион», а иными словами — платит десять тысяч долларов за то,

чтобы права оставались за ним в течение трех лет. А что потом? «А потом мы заплатим в десять раз больше, и вы получите двадцать процентов прибыли от проката». На этом деловая часть разговора завершается, ибо писатель уверовал, что заработает колоссальные деньги.

А вот спроси он кого-нибудь из понимающих людей, то узнал бы, что волшебники из голливудских бухгалтерий умеют сделать так, чтобы баланс фильма *никогда* не был положительным.

Обед завершается тем, что продюсер достает многостраничный контракт и спрашивает, можно ли подписать — с тем чтобы студия была уверена, что товар у нее в руках. Писатель, косясь одним глазом на процент (несуществующий), а другим — на собственное имя, красующееся на афишах кинотеатров (этого тоже не будет, ибо в самом лучшем случае довольствоваться придется титром «...по мотивам романа такого-то...»), недолго думая, подписывает.

Суета сует — все суета, и нет ничего нового под солнцем, как заметил Екклезиаст, сын Давидов, больше трех тысяч лет назад.

Продюсер принимается обивать пороги студий. У него уже есть какое-никакое имя, так что двери перед ним открываются, но это вовсе не значит, что его предложение примут. В случае отказа он даже не даст себе труда снова пригласить писателя на обед, просто пришлет ему письмо примерно такого содержания: «Несмотря на все усилия, киноиндустрия еще не может оценить благодарный материал, а потому я вынужден вернуть контракт» (сам-то он его, разумеется, не подписал).

Если же предложение принято, продюсер отправляется к тому, кто стоит на самой нижней ступеньке этой иерархии и соответственно меньше всех получает, — к сценаристу. К тому, кто целыми днями, неделями, месяцами создает оригинальные сценарии или мастерит экранизации, адаптируя книгу для экрана. Нарботки отсылаются продюсеру (а вовсе не писателю), и тот, как правило, с ходу бракует первые варианты, будучи уверен, что сценарист может сочинить получше. Еще сколько-то недель юное дарование или матерый профессионал (середины здесь нет) не спит ночами, поддерживая вдохновение литрами кофе и переписывая по несколько раз каждый эпизод, который продюсер отвергает или перекраивает до неузнаваемости, вызывая у сценариста законный вопрос: «Если он так хорошо все понимает, почему сам не пишет?» Однако в эту минуту сценарист вспоминает о своей зарплате и без долгих уговоров возвращается за компьютер.

И вот наконец текст почти готов: теперь продюсер просит убрать кое-какие политические намеки, которые могут вызвать раздражение у консервативно настроенных зрителей, и прибавить поцелуев, потому что это нравится женской аудитории. И чтобы у истории были начало, середина, конец, и был герой, способный всех довести до слез своими жертвенностью и самоотречением. И чтобы кто-нибудь в начале потерял любимого, а в финале — вновь обрел. В конце концов почти все сценарии сводятся к следующей незамысловатой линии:

Мужчина любит женщину. Мужчина теряет женщину. Мужчина находит женщину.

Девяносто процентов фильмов — суть вариации на эту самую тему.

А в тех, которые не подпадают под это правило, в качестве компенсации должно быть очень много драк, погонь, стрельбы и спецэффектов, чтобы порадовать публику. Формула, гарантирующая успех, давно выведена и тысячекратно проверена, так что рисковать не следует: от добра добра не ищут.

И куда же теперь, вооруженный сценарием, который он счел вполне сносно написанным, отправляется продюсер?

На поиски студии, способной профинансировать проект. Однако на студии — длинная

очередь фильмов, предназначенных для демонстрации в пустеющих с каждым днем залах кинотеатров. И продюсера просят либо подождать немножко, либо найти независимого дистрибьютера, но сначала подписать очередной гигантский контракт (где предусмотрены эксклюзивные права даже в случае проката за пределами планеты Земля), беря на себя ответственность за выделенные и потраченные деньги.

И вот в эту-то минуту на сцену выходит человек, подобный Джавицу Уайлду. Независимый дистрибьютер, которого не узнают на улице, но зато в мире кино знают все. Тот, кто не открывал тему, не редактировал сценарий, не вложил в проект ни единого цента.

Джавиц Уайлд — посредник. Он — дистрибьютер. Продюсера он принимает в своем маленьком офисе (то обстоятельство, что у него — личный самолет, дом с бассейном, приглашения на все более или менее значительные события, происходящие в мире, ничего не значит: все это служит исключительно для собственного комфорта) и не предлагает ему даже стакана минеральной воды. Он забирает диск и увозит его домой. Читает минут пять. Если уж очень понравится — дойдет до конца, но на это — один шанс из ста. В данном случае он тратит десять центов на телефонный звонок продюсеру: «Я жду вас такого-то числа в таком-то часу».

«Ладно, подпишем договор, — говорит он, будто делая большое одолжение. — Я возьмусь».

Продюсер пытается вступить в переговоры. Он желает знать, в скольких странах будет прокатываться картина, на скольких площадках и на каких условиях. Вопросы абсолютно бессмысленные, ибо ответ он знает наперед: «Это будет зависеть от итогов первых фокус-групп». Фильм показывают представителям разных социальных слоев и сословий, отобранным специалистами. Другие специалисты анализируют результаты. Если они положительные, будут потрачены еще 10 центов на звонок, и на следующий день Джавиц Уайлд встретит продюсера с тремя экземплярами пухлого договора. Продюсер попросит дать ему сколько-нибудь времени, чтобы с договором мог ознакомиться его адвокат. Джавиц скажет, что ничего не имеет против, но беда в том, что он закрывает сезон и не может гарантировать, что по возвращении не будет занят другим фильмом.

И продюсер прочитывает лишь тот параграф, где оговорено его вознаграждение. Сумма его удовлетворяет, он подписывает контракт. Ибо не хочет упускать такой шанс.

Со дня достопамятного обеда с автором романа прошло уже так много лет, что ему невдомек: он сам сейчас находится в точно такой же ситуации.

И как тут в очередной раз не вспомнить слова из Екклезиаста, сказанные больше трех тысяч лет назад: «Суета сует и всяческая суета, и нет ничего нового под солнцем».

И вот теперь, оглядывая толпу людей, собравшихся под белым полотном навеса, Джавиц Уайлд в очередной раз спрашивает себя, что он здесь делает. Он контролирует более пятисот кинозалов в США и с еще пятью тысячами других по всему миру заключил эксклюзивные договоры, в соответствии с которыми у него обязаны покупать все, что он предлагает, даже если фильм не будет иметь успеха. Они знают, что прибыль от одного блокбастера с лихвой компенсирует затраты на прокат пяти обычных картин. Владельцы кинотеатров зависят от Джавица Уайлда, великого независимого дистрибьютера, сумевшего вступить в единоборство с крупными киностудиями-монополистами и победить в нем.

Его никогда не спрашивали, как ему удалось совершить этот подвиг: вопрос уже не имеет никакого значения, поскольку он предлагает соотношение «один триумф — пять провалов» (у студий — один к девяти).

Лишь он один знает, чему обязан своим успехом. И по этой самой причине нигде не появляется без двоих неразлучных спутников, которые в эту минуту отвечают на звонки, назначают встречи, принимают приглашения. Оба они — относительно нормального

телосложения (совсем не те гориллы, что стоят у входа), но люди в высшей степени умелые: прошли специальную подготовку в Израиле, служили в Уганде, Аргентине, Панаме.

Покуда один занят телефоном, другой беспрестанно шарит взглядом по залу, примечая любое перемещение, каждое резкое движение, всякое новое лицо. Подобно синхронным переводчикам или сотрудникам службы безопасности аэропорта, они раз в четверть часа меняются ролями, ибо неусыпная бдительность требует перерыва.

Так что же все-таки он делает на этом приеме? Давно уже можно было бы уйти в отель и попытаться уснуть; он устал от льстивых слов и приветствий, ему невозможно ежеминутно выдавливать из себя улыбку, повторяя: «Нет-нет, не надо визитку, я ее обязательно потеряю». А особо настырных отсылать к одной из своих секретарш, живущей в роскошном отеле на Круазетт, обязанной бодрствовать и снимать трубку непрерывно звонящего телефона, отвечать на электронные письма, приходящие со всего света вместе с рекламой средств для чудодейственного увеличения пениса, получения множественных оргазмов и прочим спамом, против которого бессильны самые совершенные фильтры. В зависимости от того, какой знак подаст ему Джавиц, кто-нибудь из «друзей» либо сообщает адрес и телефон секретарши, либо говорит, что сейчас у него нет с собой ее визитных карточек.

Так зачем же он сидит здесь? В Лос-Анджелесе в это время он ложится спать, вернувшись далеко за полночь с очередной вечеринки. Джавиц Уайлд знает ответ, но этот ответ его не устраивает. А дело в том, что он боится остаться один. И завидует человеку, пришедшему сюда одним из первых и потягивающему сейчас свой безалкогольный коктейль. Взгляд его устремлен в никуда, он расслаблен и даже не думает напускать на себя важность или принимать озабоченно-деловой вид. Джавиц решает пригласить его за свой столик и чем-нибудь угостить. В этот миг он замечает, что того уже нет на прежнем месте.

И одновременно ощущает легкий укол в спину.

«Комары. Вот потому я терпеть не могу праздники на открытом воздухе».

Потерев укушенное место, он вдруг извлекает оттуда маленькую булабочку. Что за дурацкие шутки! Оглядываясь и метрах в двух от себя видит чернокожего — судя по прическе, с Ямайки, хохочущего в толпе гостей, которые смотрят на него с вождением и почтением.

Джавиц слишком утомлен, чтобы поддаваться на провокацию. Пусть этот негр считает, что очень смешно пошутил — чем еще ему производить впечатление на окружающих?!

— Идиот.

«Друзья» мгновенно реагируют на внезапную смену позы — не зря же они наняты оберегать его за четыреста тридцать пять долларов в день. Один сует руку за пазуху, где под мышкой в плечевой кобуре висит автоматический пистолет, незаметный под пиджаком. Второй поднимается с места и проворным, хоть и не резким движением (дело все же происходит на празднике) оказывается между хозяином и этим чернокожим.

— Да ничего страшного, — говорит Джавиц. — Глупая шутка.

И показывает булабочку.

Двое этих олухов натасканы и обучены отбивать атаки, защищать своего подопечного от ножа и ствола, от внезапной агрессии и угрозы. В гостинице они всегда первыми входят в его номер, проверяя, все ли там чисто. Они умеют определять, нет ли в кармане у того или иного человека пистолета (во многих странах мира ходить с оружием — в порядке вещей) и не спустят с него глаз, пока не убедятся, что тот не представляет опасности. Когда Джавиц садится в лифт, они стискивают хозяина с обеих сторон, прикрывая собственными телами на манер живого щита. Они еще ни разу не доставали оружие и тем более обходились без стрельбы, ибо любое недоразумение умеют устранять взглядом и несколькими спокойно сказанными словами.

Проблемы? С тех пор, как они его сопровождают, он забыл, что это такое. Кажется, одного их присутствия достаточно, чтобы отогнать злых духов и развеять недобрые намерения.

— Это тот малый... Пришел одним из первых. Сидел один вон за тем столиком. Он был вооружен, как по-твоему? — сказал один.

Второй пробурчал что-то вроде: «Не исключено». Но незнакомец давно уже покинул прием. А все то время, что находился здесь, с него не спускали глаз, тем более что неизвестно было, куда направлен его взгляд из-за темных очков.

Отбой. Один снова берется за телефон, не умолкавший все это время, другой смотрит на чернокожего с Ямайки, а тот, не обнаруживая страха или растерянности, не отводит глаз. Как-то странно он повел себя, но если вздумает снова пошутить, ему придется заказывать себе зубные протезы. Все будет сделано быстро и незаметно, на пляже, и справится с этим один, а второй подстрахует, держа палец на спусковом крючке. Подобные выходки устраивают обычно с единственной целью — отвлечь охранников жертвы. Старый трюк.

— Все в порядке.

— Совсем даже не в порядке. Вызывайте «скорую». Рука отнялась.

Какая удача!

Чего угодно ожидала она в это утро, но только не встречи с человеком, который — она не сомневалась! — сможет преобразить ее жизнь. Однако он оказался здесь — сидит со своим обычным скучающим видом, вместе с двумя друзьями: сильным мира сего нет надобности показывать кому бы то ни было, на что они способны. И даже обзаводиться охранниками.

Морин поняла, что люди в Каннах делятся на две категории:

1) Загорелые (они проводят целый день на солнце, ибо уже причислены к сонму победителей). Лежат на одном из тех пляжей, куда допускают только участников и гостей фестиваля. Когда возвращаются в свои отели, их там ждет несколько приглашений, большая часть которых отправляется в мусорную корзину.

2) Бледные (они перебегают из одного угрюмого офиса в другой, проходя кастинги, результаты которых могут оказаться превосходными, но все равно утонуть в море других предложений и вариантов, либо чудовищными, но тем не менее завоевать им место под солнцем — ну, то есть среди загорелых — если знакомы с нужными людьми).

Джавиц Уайлд гордится завидным бронзовым загаром.

Событие, в течение двенадцати дней происходящее в этом маленьком городке на юге Франции, взвинчивающее цены, выпускающее на улицы только машины со спецпропусками, заполняющее аэропорт частными самолетами, а пляжи — моделями, совершается не только на красной ковровой дорожке, по которой в окружении фотографов направляются ко входу во Дворец конгрессов прославленные на весь мир кинозвезды.

Канны — это прежде всего кино.

Роскошь и гламур быстрее всего остального бросаются в глаза, но истинная душа фестиваля — это гигантский кинорынок, действующий параллельно с ним. Продавцы и покупатели, съехавшись со всего мира, встречаются, чтобы торговать готовым продуктом, инвестициями, идеями. В среднем в городе заключается по четыреста сделок в день, и происходит это по большей части в арендованных на целый сезон апартаментах, где люди ведут переговоры, неудобно пристроившись вокруг кроватей, жалуясь на жару, требуя минеральной воды и особого к себе внимания, отчего у тех, кто предлагает свою продукцию, нервы на пределе, а к лицу будто приклеилась ледяная улыбка. Они обязаны сносить любые капризы, терпеть любые выходки, ибо должны показать свое изделие, на которое ушло несколько лет работы.

А покуда эти 4800 новых фильмов зубами и ногтями дерутся за возможность выйти из гостиничного номера и получить право показа в настоящем кинозале, мир грез начинает движение в обратную сторону: новые технологии с каждым днем завоевывают новые рубежи, и люди, измученные неуверенностью в завтрашнем дне, измочаленные тяжелой работой, с большой неохотой выходят из дому, предпочитая кабельное телевидение, которое за чисто символическую плату крутит около пятисот фильмов в день.

И что еще хуже — интернет позволяет любому и каждому сделаться кинорежиссером: всемирная паутина показывает, как делает первые шаги малыш, как рубят головы пленным, как женщины демонстрируют свои обнаженные прелести исключительно для того, чтобы кто-то у своего монитора получил одинокое наслаждение. Показывает замерзших и сожженных, реальные автокатастрофы, спортивные состязания, дефиле моделей, съемки скрытой камерой, ставящие случайных прохожих в дурацкое положение.

Хотя, разумеется, люди все же выходят из дому. Но деньги предпочитают тратить на

рестораны и хорошую одежду, ибо все остальное получают с экранов своих телевизоров или компьютеров.

Фильмы. Давно канули в прошлое те времена, когда все помнили, кому досталась «Золотая пальмовая ветвь». А сейчас, если спросить, кто стал лауреатом в прошлом году, с ответом затруднятся даже те, кто был на фестивале. «Вроде какой-то румынский режиссер», — скажет один. «Да нет, немец», — возразит другой. Потом потихоньку сверятся с каталогом и выяснят, что победу одержал итальянец.

Кинотеатры, которые некогда устояли в жестокой конкуренции с видеосалонами и оправившись от потрясений, теперь, похоже, опять начинают клониться к упадку. Им почти невозможно соперничать с фильмами на DVD, которые бесплатно прилагаются к покупаемым журналам, с повсеместным пиратством, с вездесущим интернетом. Все это приводит к тому, что прокат обретает самые варварские формы: если запуск нового проекта обошелся студии очень дорого, она потребует, чтобы фильм демонстрировался одновременно в максимальном числе залов, и потому почти не оставит места для тех, кто отваживается возделывать ту же полянку.

А если они все же дерзнут — несмотря на все «противопоказания», то слишком поздно осознают, что обладать качественным продуктом — это еще далеко не все. Чтобы фильм дошел до экранов мировых столиц, требуются колоссальные вложения: надо оплачивать целые полосы в газетах и журналах, устраивать приемы и презентации, организовывать пресс-показы с пресс-конференциями, поездки, арендовать залы с баснословно дорогим оборудованием, нанимать персонал. И над всем этим царит проблема из проблем — дистрибьютер.

И тем не менее ежегодно возобновляется это кочевье: назначается время просмотра, представители Суперкласса обращают внимание на все что угодно, за исключением происходящего на экране, телекомпании предлагают десятую часть истинной, то есть справедливой цены за то, чтобы оказать режиссеру «честь» и показать его творение по своим каналам, звучат просьбы вырезать то-то и то-то, чтобы не оттолкнуть «семейную аудиторию», перемонтировать такой-то эпизод, обещания (не всегда выполняемые) на следующий год подписать контракт, если сценарий будет переписан до неузнаваемости и усилена такая-то тема.

Люди внимают этим посулам и соглашаются, ибо у них нет иного выхода. Этим миром правит Суперкласс: он говорит мягко и улыбается ласково, однако его решения окончательны и пересмотру не подлежат. Он знает. Он принимает или отвергает. Он обладает могуществом.

А могущество ни с кем не вступает в переговоры — разве что с самим собой. Однако же не все еще потеряно. Не только в романах, но и в реальном мире обязательно отыщется он — герой.

И Морин вне себя от гордости: герой — перед нею. После трех лет работы, мечтаний, телефонных звонков, поездок в Лос-Анджелес, подарков, обращений к друзьям по «Банку услуг», посредничества ее бывшего возлюбленного (он учился вместе с нею режиссуре, но потом счел, что гораздо безопасней работать в журнале, посвященном кино, нежели рисковать головой и деньгами), через два дня столь вожделенная встреча наконец-то состоится.

«Ладно, я поговорю с ним, — сказал экс-любовник. — Но Джавиц Уайлд не зависит ни от кого — даже от журналистов, которые способны превознести фильм до небес или втоптать его в грязь. Джавиц Уайлд — превыше всего. Мы уже подумывали о том, чтобы сделать о нем репортаж и попытаться понять, каким образом ему удастся держать в руках такую уйму прокатчиков. Но никто из тех, кто с ним работает, не пожелал высказаться на эту тему. Поговорю, но знай — давить на него бессмысленно».

И он поговорил. И договорился, что тот посмотрит «Тайны подземелья». И на следующий день Джавиц по телефону назначил встречу в Каннах.

Морин даже не осмелилась сказать, что ей до его офиса — десять минут на такси, и

покорно заказала билет на самолет до Парижа, а потом чуть ли не целый день добиралась поездом до этого дальнего французского города. Предъявила ваучер хмурому управляющему в захудалом отеле, получила одиночный номер, где приходилось перешагивать через чемоданы всякий раз, как она шла в ванную, раздобыла — опять же с помощью своего «экс» — приглашения на какие-то не слишком заметные мероприятия вроде презентации нового сорта водки или новой линии рубашек поло. С билетом во Дворец фестивалей она безнадежно опоздала.

Она сильно выбилась из бюджета, провела в пути в общей сложности более двадцати часов, но своего добилась — ей была обещана десятиминутная встреча.

И она не сомневалась, что выйдет оттуда с подписанным контрактом, и перед ней откроются сияющие перспективы. И что из того, что киноиндустрия пребывает в кризисе? Разве фильмы (ну пусть даже их стало меньше) не имеют успеха? Разве города не пестрят афишами новых проектов? Разве не о знаменитых киноартистах пишут гляцевые журналы? Морин знала — вернее, была непреложно убеждена, что кинематограф, гибель которого объявлялась уже несколько раз, между тем продолжает здравствовать. «Конец эпохи кино» — говорили после пришествия телевидения. «Конец эпохи кино» — говорили с появлением видеосалонов и пунктов проката. «Конец эпохи кино» — когда интернет открыл доступ к пиратским сайтам. А кино меж тем остается живо: оно — здесь, на улочках этого маленького средиземноморского городка, обязанного своей славой именно фестивалю.

И теперь самое главное — не упустить этот с неба свалившийся шанс.

И соглашаться на все — на все решительно. Джавиц Уайлд здесь. Он посмотрел ее фильм. Тема выбрана безошибочно: сексуальная эксплуатация, добровольная или вынужденная, подняла, что называется, высокую волну в мировых СМИ. Самый момент вывесить афиши «Тайн подземелья» по фасадам всех кинотеатров, контролируемых Джавицем.

Он взбунтовался против существующего порядка и совершил настоящий переворот в системе, определяющей путь фильма к массовому зрителю. Один лишь Роберт Редфорд попытался в свое время совершить нечто подобное, создав фестиваль независимых кинематографистов — но и он, несмотря на десятилетия отчаянных усилий, все же не сумел преодолеть барьер, приводивший в движение сотни миллионов долларов в США, Европе и Индии. А Джавиц Уайлд стал победителем.

Джавиц Уайлд, спаситель кинематографистов, человек-легенда, защитник малых сих, друг артистов, покровитель искусств, благодаря хитроумной системе — Морин не знала, как она действует, но видела ее эффективность, — смог взять под контроль кинотеатры во всем мире.

Джавиц Уайлд назначил ей на завтра десятиминутную встречу. И это означало только одно — он принял ее предложение. Осталось лишь обговорить детали.

«Я соглашусь на все. На все решительно», — повторяет Морин про себя.

Само собой разумеется, что за десять минут невозможно рассказать о том, что происходило в эти восемь лет — четвертую часть ее жизни — потраченные на создание фильма. Бессмысленно будет описывать, как она училась искусству режиссуры, как снимала рекламные ролики, а потом поставила две короткометражки, снискавшие успех в провинциальных городах и нескольких нью-йоркских барах, где устраивали просмотры «альтернативного кино». Как заложила в банке полученный по наследству дом, чтобы получить необходимый для съемок миллион. Как осознала, что эта встреча — ее последний шанс, ибо второго дома у нее нет и закладывать больше нечего.

Она следила за карьерой своих сокурсников, которые бились-бились, да и предпочли уютный мир коммерческой рекламы или скучную, но надежную работу в одной из многих

компаний, выпускающих телесериалы. Ей этот путь заказан: после того как ее короткометражки были одобрительно приняты публикой, Морин стала мечтать о большем, и мечты эти уже стали ей неподвластны.

Она была убеждена, что ее миссия — преобразовать этот мир в нечто более пригодное для жизни. Объединившись с другими, подобными ей, показать, что искусство — не только способ забавлять или развлекать сбившееся с пути общество. Надо еще и показывать пороки и недостатки его лидеров, спасать детей, в эту самую минуту умирающих с голоду где-нибудь в Африке. Выявлять проблемы окружающей среды. Бороться против социальной несправедливости.

Слов нет, проект амбициозный, однако Морин уверена, что ей хватит упорства довести его до конца. А для этого нужно очистить душу и прибегнуть к тем четырем силам, которые всегда вели ее, а силы эти — любовь, смерть, мощь и время. Необходимо любить, потому что мы любимы Богом. Необходимо сознавать неизбежность смерти, чтобы острее чувствовать жизнь. Необходимо бороться, чтобы расти, — но при этом не угодить в ловушку власти, которую можем обрести в ходе этой борьбы, ибо знаем, что власть ничего не стоит. И наконец, необходимо как должное принимать, что наша душа — пусть даже она бессмертна — пребывает в плену у времени со всеми его ограничениями и возможностями.

Но душа и в этом состоянии может работать над тем, что дарует ей отраду и удовольствие. И Морин своими фильмами внесет свой вклад в спасение распадающегося у нее на глазах мира, в преобразование действительности, в изменение рода человеческого.

Потеряв отца, который всю жизнь сетовал, что так и не смог заниматься тем, о чем всегда мечтал, Морин поняла нечто очень важное: разительные перемены происходят с человеком именно в такие кризисные моменты.

Ей бы не хотелось повторить судьбу отца. Неприятно было бы сказать дочери: «Я хотела и в определенную минуту даже могла, но не нашла в себе мужества рискнуть всем». И получив наследство, она тотчас поняла, что оно дано ей по одной-единственной причине — ради того, чтобы она выполнила свое предназначение.

И Морин приняла этот вызов. Еще в ранней юности, в отличие от своих сверстниц, мечтавших стать киноактрисами, она хотела лишь рассказывать истории, которые заставят будущие поколения людей улыбаться и мечтать. Примером ей служил «Гражданин Кейн» — фильм о радиокomentаторе, осмелившемся критиковать могущественного газетного магната, ставший классикой не только благодаря сюжетной канве, но еще и потому, что новаторски и творчески затрагивал этические и технические проблемы своей эпохи. Одним-единственным фильмом его создатель обессмертил свое имя.

Одним-единственным. И первым.

И это при том, что сам Орсон Уэллс никогда больше не смог достичь взятой им высоты. При том, что сошел со сцены (да, так бывает), и сейчас его помнят только исследователи и знатоки кино. Нет сомнения, что скоро кто-нибудь заново откроет его гений. Уэллс оставил потомкам не только своего «Гражданина Кейна», но и преподал им урок: достаточно сделать блистательный первый шаг — и вся твоя дальнейшая карьера обеспечена.

Морин поклялась себе, что никогда не забудет, через какие трудности и испытания ей пришлось пройти. И постарается сделать так, чтобы человек стал вести более достойное его существование.

А поскольку первым может быть только *один* фильм, она сосредоточила все свои нравственные и физические силы, всю эмоциональную энергию на единственном проекте. Не в пример друзьям, рассылавшим сценарии, синопсисы, сюжеты и работавшим одновременно над

несколькими идеями, ни одна из которых, впрочем, не приносила результатов, Морин душой и телом предалась своим «Тайнам подземелья» — истории о том, как пять монахинь попадают в руки сексуального маньяка. И вместо того чтобы попытаться обратить его к вере и нормам христианства, приходят к выводу, что возможно только одно решение — принять правила его извращенного мира и отдаться ему, чтобы он через любовь сумел постичь величие Бога.

Замысел ее был прост: голливудские актрисы, как бы знамениты они ни были, лет в тридцать пять исчезают с экранов. Они продолжают мелькать на страницах глянцевого журналов, посещают благотворительные вечера, блистают на празднествах, церемониях и торжествах, а потом стараются подогреть гаснущий интерес замужествами и разводами, а также публичными скандалами — но былую славу им удастся вернуть лишь на несколько месяцев, недель или дней. И в этом промежутке между неостребованностью и полнейшим забвением деньги уже не играют для них особо значительной роли: они готовы принять любое предложение — лишь бы снова появиться на экране.

И Морин приблизилась к женщинам, которые всего десять лет назад находились на вершине славы, а теперь, с ужасом чувствуя, как уходит из-под ног почва, отчаянно пытались вернуться туда, где были раньше.

В таком деле, как кино, немыслимо начинать со смирения и самоуничижения. Великая тень Орсона Уэллса являлась ей во снах: «Замахнись на невозможное. Перемахни несколько ступенек, раз уж по воле судьбы оказалась у подножия. Лезь вверх, пока не выдернули лестницу. Будет страшно — помолись, но не отступай». Она знала — у нее великолепный сюжет, первоклассный актерский состав, а потому необходимо снять такое кино, которое было бы принято крупными студиями и дистрибьютерами, но при этом — не поступиться качеством.

Необходимо сделать так, чтобы искусство и коммерция шли рука об руку.

А прочее — оно прочее и есть. Критики, склонные к умственной мастурбации и обожающие фильмы, которые невозможно понять. Маленькие зальчики, откуда ежевечерне выходит полдюжина ценителей, чтобы после просмотра засесть до утра в баре и в густом табачном дыму обсуждать сокровенную суть той или иной сцены (придавая ей зачастую противоположный смысл по сравнению с тем, что хотел сказать режиссер). Сами режиссеры, собирающие пресс-конференции, чтобы растолковать публике то, что должно быть совершенно очевидно безо всяких объяснений. Жалобы на государство, не оказывающее поддержки кинематографу. Манифесты и декларации, напечатанные в интеллектуальных журналах, многочасовые обсуждения и прения, сводящиеся в итоге все к тем же жалобам на отсутствие интереса, то есть финансирования. Одна-две статьи, появившиеся в крупных газетах и прочитанные только теми, кого это касалось напрямую или их домашними.

Кому под силу изменить мир? — Суперклассу. Тем, кто делает. Тем, кто способен воздействовать на поведение, разум и душу максимального возможного числа людей.

Поэтому она жаждала встречи с Джавицем Уайлдом. Для этого ей нужен «Оскар». И Каннский фестиваль.

А поскольку ничего этого не добьешься «демократической» работой — другие люди хотят всего лишь высказать свое мнение о наилучшем способе делать то-то и то-то, но не рисковать, — Морин пошла ва-банк. Наняла съемочную группу, несколько месяцев переписывала и правила сценарий, уговорила превосходных — и при этом безвестных — операторов, художников, актеров на роли второго, суля ничтожные деньги, но многообещающую возможность грандиозно «засветиться». На всех сильное впечатление оказывал список пяти главных героинь («Воображаю, сколько они запросили!»), все сначала требовали крупных гонораров, а потом убеждались, что участие в этой затее будет очень важно для их карьеры. Морин так загорелась своей идеей, что, казалось, ее энтузиазм открывает ей все двери.

Оставалось нанести последний и решительный удар. Писателю или музыканту недостаточно создать нечто талантливое и значительное: нужно еще, чтобы его творение не плесневело в ящике стола или на полке хранилища.

Необходимо «засветиться».

Она послала экземпляр сценария только одному человеку — Джавицу Уайлду. Привела в действие все свои связи. Стойко сносила все унижения, но не сворачивала с пути. Ей грубили, над ней смеялись, но она продолжала верить, ибо вложила в свое создание всю себя. Так продолжалось до тех пор, пока на сцену не вышел ее бывший возлюбленный. И Джавиц Уайлд назначил встречу.

И в этом павильоне она устроилась так, чтобы видеть его и предвкушать их беседу, которая произойдет через два дня. Внезапно она замечает, что взгляд его становится невидящим, а тело обмякает. Один из его спутников вертит головой, оглядываясь назад, озираясь по сторонам и не вынимая руку из-за борта пиджака. Другой хватает телефон и непослушными пальцами поспешно набирает несколько цифр.

Что-нибудь случилось? Но люди, сидящие неподалеку, продолжают как ни в чем не бывало разговаривать и пить, наслаждаясь солнцем, фестивалем, праздничной атмосферой и прекрасными телами вокруг.

Джавица пытаются поднять и увести, однако он, похоже, не может пошевелиться. Да нет, наверное, просто перепил... Усталость... Стресс... Что ж еще?

Ничего другого и быть не может! Она прилетела сюда из такой дали, она была в двух шагах от исполнения своей мечты, и вот...

Слышится вой сирены. Должно быть, полиция пытается расчистить путь через вечно забитую магистраль какому-нибудь ВИПу.

Спутник Джавица забрасывает его руку себе за плечи, выдергивает его со стула и тащит к дверям. Сирена все ближе. Второй продолжает озираться по сторонам. В эту минуту они встречаются взглядом.

Джавица волокут к выходу. Морин спрашивает себя, как это такой хрупкий на вид человек умудряется без видимых усилий тащить такую тушу.

Вой обрывается у самого входа в огромный шатер. В эту минуту Джавиц уже скрылся из виду, а второй его «друг», по-прежнему держа руку за бортом пиджака, подходит к ней.

— Что случилось? — в испуге спрашивает Морин. Лицо человека, остановившегося перед нею, кажется высеченным из камня — такие лица бывают у профессиональных убийц.

— Сама знаешь, что случилось, — отвечает тот с каким-то странным акцентом.

— Ну да, я видела, что ему стало плохо... Что с ним? Человек не вынимает руку из-за пазухи. Морин в этот миг осеняет: этот маленький инцидент можно будет превратить в огромный шанс.

— Давайте, я помогу чем-нибудь... Можно?

Тот по-прежнему цепко следит за каждым ее движением, но держится уже не столь напряженно.

— Можно, я поеду с вами? Я знакома с Джавицем... Я дружна с ним...

Целую вечность спустя — хотя на самом деле прошло не более доли секунды — мужчина разворачивается и торопливо уходит в сторону Круазетт, ничего ей не ответив.

Морин лихорадочно соображает. Почему этот человек сказал, что она знает, что случилось? И почему так внезапно утратил к ней всякий интерес?

Прочие гости ничего не заметили — ну, разве что звук сирены привлек на миг их внимание,

но они решили: наверное, что-то стряслось на улице. Сирены плохо вяжутся с морем и солнцем, с коктейлями и знакомствами, с красавцами и красавицами, с представителями племен «бронзовых» и «бледных». Сирены принадлежат к другому миру — где происходят аварии, катастрофы, сердечные приступы, преступления. А потому совершенно не интересуют никого из присутствующих.

Голова Морин работает теперь четко. Что-то произошло с Джавицем, и это «что-то» — подарок небес. Она подбегает к выходу и видит, как по резервной полосе, закрытой для других машин, уносится на высокой скорости карета «скорой помощи», снова включившая сирену.

— Там мой друг! — говорит она охраннику. — Куда его везут?

Тот сообщает название клиники. Ни секунды не тратя на размышления, Морин бросается ловить такси. И лишь десять минут спустя сознает: такси просто так по городу не ездят — их вызывают швейцары к дверям отелей и получают за это щедрые чаевые. У Морин денег нет, и потому она входит в пиццерию, показывает план города, и ей объясняют, что до нужной ей больницы полчаса ходу, вернее бега.

Что ж, это ей нипочем, она всю жизнь бегаёт.

— Доброе утро.

— Добрый день, — поправляют ее. — Уже двенадцать.

Все в точности так, как она себе представляла. Пять девушек, внешне похожих на нее. Все сильно накрашены, все в мини и с глубокими вырезами, все вертят в руках сотовые и шлют эсэмэски.

Они не разговаривают между собой: в этом нет необходимости — они понимают друг друга без слов, как родственные души. Все прошли через одинаковые мытарства, все безропотно принимали нокаутирующие удары, все научились отвечать на вызовы. Все пытаются верить, что мечта — это билет с открытой датой, что жизнь может неузнаваемо измениться с минуты на минуту, что рано или поздно настанет благоприятный момент, а пока воля подвергается испытанию на прочность.

Все наверняка рассорились с родителями, которые были уверены, что дочери скатятся к проституции.

Все уже выходили на сцену, испробовали сладкую муку театрального действия, когда атмосфера в зрительном зале насыщена предгрозовым напряжением, готовым разрядиться бурей аплодисментов. Все сотни раз воображали, как представитель Суперкласса окажется в партере, а после спектакля зайдет в гримерку с чем-то более существенным и серьезным, нежели просьба дать телефон, приглашение поужинать или комплименты.

Все уже раза три-четыре принимали такие предложения, хоть и понимали, что этот путь ведет только в постель с мужчиной, который, как правило, немолод, наделен могуществом и заинтересован только в скорой победе. Кроме того, он почти всегда женат, как и всякий мужчина, заслуживающий внимания.

У всех есть возлюбленные, но если осведомиться о гражданском состоянии, каждая ответит: «Не замужем, никаких обязательств». Все уверены, что превосходно контролируют ситуацию. Все сотни раз слышали, что наделены редкостным талантом, но не хватает лишь счастливого случая, и вот теперь этот случай предоставляется, ибо наконец-то встретился человек, способный неузнаваемо преобразить их жизнь. И несколько раз каждая попадалась на эту удочку. И расплачивалась за доверчивость и самонадеянность, когда на следующий день по телефону отвечала столь же неприветливая, сколь и непреклонная секретарша, наотрез отказывающаяся соединять с шефом.

Все уже грозили, что расскажут, как их обманули, и продадут эту историю в желтые издания, падкие на сенсационные разоблачения. И ни одна этого не сделала, ибо все покуда пребывали в фазе: «Ябедничать некрасиво».

Вполне вероятно, двое или трое из них в свое время играли в какой-нибудь школьной «Алисе в Стране чудес» и теперь мечтают доказать родителям, что способны на большее. Очень может быть, что родители уже увидели своих дочерей в рекламных роликах или на презентациях и, позабыв прежние огорчения, твердо уверовали, что в их жизни будет отныне только: Блеск и гламур.

Все в свое время считали, что мечты сбываются, что когда-нибудь их талант обнаружится, пока в один прекрасный день не осознали, что в мире сем действенно лишь одно заклинание, существует единственное волшебное слово.

И слово это — «связи».

Все по приезду в Канны разослали свои резюме. Все побывали там, куда можно попасть, и стремились проникнуть туда, куда вход закрыт, и мечтали, что их пригласят на какую-нибудь

пышную церемонию, длящуюся всю ночь, или даже на вожделенную красную ковровую дорожку, ведущую во Дворец. Впрочем, последнее было из области почти неосуществимых мечтаний, так что даже они сами сознавали всю призрачность этого «почти» — сознавали и признавали, чтобы избежать обиды и разочарования, столь жгучего, что чувство это могло всерьез помешать той лучезарной радости, которую они обязаны были продемонстрировать всегда и всюду, как бы скверно ни было на душе.

Связи.

Методом проб и ошибок они в конце концов завязывали полезное знакомство. Именно поэтому они сейчас и находились здесь. Потому что обзавелись связями, благодаря которым их вызвал какой-нибудь новозеландский продюсер. Никто не спрашивал о цели вызова. Все знали только, что опаздывать не следует: время дорого каждому, а особенно — тем, кто возделывает ниву киноиндустрии. И только эти пять девушек, вертевших в руках телефоны, листавших журнальчики, рассылавших эсэмэски, чтобы узнать, приглашены ли они сегодня куда-нибудь, и не забывавших упомянуть, что сейчас говорить не могут, ибо находятся на важной встрече с продюсером — так вот, только эти пять девушек готовы были потратить сколько угодно времени.

Габриэлу должны были вызвать четвертой. Она пыталась было что-то прочесть в глазах тех, кто молча выходил из дверей, но тщетно — все они были актрисами. И умели прятать любые чувства, скрывая радость или печаль. Они решительным шагом пересекали приемную и скрывались в дверях, недрогнувшим голосом бросив остальным: «Удачи», и всем своим видом будто говоря: «Не волнуйтесь, девочки, вам больше нечего терять. Эта роль останется за мной».

Одна стена затянута черным сукном. По полу вьются мотки всевозможных кабелей и проводов, мощные лампы-софиты, гигантские зонтики, смягчающие свет. Звукозаписывающая аппаратура, мониторы, видеокамера. По углам — бутылки минеральной, металлические кофры, треноги-штативы, разбросанные бумажные листки, компьютер. Женщина в очках — на вид ей лет тридцать пять, — присев на пол, перелистывает ее портфолио.

— Ужасно, — говорит она, не поднимая глаз. — Просто ужасно.

Габриэла не знает, что делать. Притвориться, будто не слышит, уйти в тот угол, где несколько техников ведут оживленный разговор, куря одну сигарету за другой, или остаться на месте?

— Просто жуть, — продолжает женщина.

— Это — мои.

Слова будто сами сорвались с языка. Не сдержалась. Пешком пробежала полгорода, почти два часа ждала в приемной, мечтая о том, как раз и навсегда преобразится ее жизнь (впрочем, со временем она научилась обуздывать полет фантазии и не предаваться такому безудержному восторгу, как прежде).

— Да я знаю, что твои, — отвечает женщина, по-прежнему не поднимая глаз. — И обошлись они тебе наверняка в приличную сумму. На свете немало людей, которые составляют портфолио, пишут резюме и CV, преподают актерское мастерство, короче говоря, зарабатывают деньги на тщеславии таких, как ты.

— Но если это ужасно, зачем меня позвали?

— А нам и нужно нечто ужасное.

Габриэла смеется. Женщина наконец скидывает голову и осматривает ее сверху донизу.

— Мне нравится, как ты одета. Терпеть не могу вульгарно разряженных особ.

Сердце у Габриэлы начинает колотиться. Мечта вновь приближается.

— Стань вон на ту отметку. — Женщина протягивает ей лист бумаги и, обернувшись, к съемочной группе, говорит: — Перекур окончен. Окно закройте, чтоб посторонних звуков не было.

«Отметка» — это два обрывка желтой клейкой ленты, крест-накрест прилепленных к полу. Благодаря этому можно не устанавливать заново осветительные приборы и не передвигать с места на место камеру.

— Здесь очень жарко, я вся мокрая... Можно мне на минутку в ванную, немножко подкраситься, тон наложить?

— Можно-то, конечно, можно... Но тогда не останется времени снимать. Материал надо сдать до вечера.

Вероятно, все, кто стоял здесь до нее, задавали этот вопрос и получали одинаковый ответ. Лучше не тратить времени — и Габриэла, промокнув бумажным носовым платком лоб и щеки, подходит к отметке.

Оператор становится за камеру, Габриэла пытается хотя бы разок прочесть то, что написано на этой четвертушке бумаги.

— Тест № 25. Габриэла Шерри, агентство Томпсон. «Двадцать пять?!»

— Снимаем, — говорит женщина в очках. В павильоне все стихает.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления без причины».

— Еще раз. Ты разговариваешь со своим возлюбленным.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления просто так, без причины».

— «Просто так» нет в тексте. Ты считаешь, что автор сценария, бившийся над ним несколько месяцев, сам не знал, что пишет? И не убрал лишние, поверхностные и ненужные слова?

Габриэла глубоко вздыхает. Терять ей, кроме терпения, нечего. Сейчас она будет делать понятные вещи — выйдет отсюда, отправится на пляж или вернется домой и немного поспит... Ей надо отдохнуть, чтобы к вечеру, когда начнутся коктейли, быть в форме.

Странное, сладостное спокойствие охватывает ее. Внезапно она чувствует, что ее любят и оберегают, чувствует благодарность за то, что живет. Никто не принуждает ее находиться здесь и снова подвергаться этому унижению. Впервые за столько лет она уверена в своем могуществе, о самом существовании которого прежде даже не подозревала.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления без причины».

— Дальше!

Это распоряжение — совершенно излишне, Габриэла и сама собиралась произнести следующую фразу.

— «Надо пойти к врачу. Мне кажется, ты нуждаешься в помощи».

— «Нет!» — подает реплику женщина в очках.

— «Не хочешь — не надо. Будь по-твоему. Давай просто погуляем, и ты расскажешь мне все, что произошло... Я люблю тебя. Если больше никому на свете нет до тебя дела, то мне ты дорог и нужен...»

Больше на листке ничего нет. В павильоне тихо, и все его пространство словно электризуется.

— Скажи девушке, которая ждет в приемной, что она может идти домой, — говорит кому-то женщина в очках.

Неужели это — то, о чем она думала?

— На левой оконечности пляжа, у причала напротив Алле-де-Пальмьер, ровно без пяти час будет ждать катер. Тебя отвезут на встречу к мистеру Джибсону. Видео мы отошлем сейчас, но он желает лично познакомиться с теми, кто, может быть, будет работать с ним.

На лице Габриэлы вспыхивает улыбка.

— Я сказала: «Может быть, будет...» Это еще не окончательно.

Но улыбка не гаснет. Джибсон!

Инспектор Савуа и судебный медик склоняются над распростертым на столе, обитом нержавеющей сталью, телом красивой девушки лет двадцати.

Девушка обнажена.

— Вы уверены?

Патологоанатом стягивает резиновые перчатки, швыряет их в таз — тоже из нержавеющей стали — и откручивает кран умывальника.

— Абсолютно уверен. Никаких следов наркотиков.

— Но что же тогда могло случиться? Инфаркт? В столь юном возрасте?...

Слышен только звук льющейся воды.

«Как стереотипно все они мыслят — передозировка наркотиками, сердечный приступ, летальный исход...»

Он дольше, чем это необходимо, моет руки, потом протирает спиртом. Поворачивается к полицейскому, просит его тщательно осмотреть тело покойной:

— Не стесняйтесь и постарайтесь ничего не упустить из виду: внимание к мелочам — неотъемлемая часть вашей профессии.

Савуа изучает труп. Хочет поднять руку девушки, но эксперт останавливает его:

— Нет, не прикасайтесь.

Глаза инспектора скользят по телу девушки. Он уже располагает кое-какими сведениями о ней: Оливия Мартине, португалка, имеется любовник, лицо без определенных занятий, завсегдатай вечеринок; сейчас его уже допрашивают. Судья дал санкцию на обыск в его квартире, и там обнаружили несколько ампул с тетрагидроканнабинолом, основным галлюциногенным элементом марихуаны — это вещество, которое не так давно удалось синтезировать: не дает запаха, а эффект от его приема гораздо сильнее, чем при поглощении дыма. Еще были найдены шесть упаковок — по одному грамму кокаина в каждой. Простыня со следами крови отправлена на экспертизу. Скорее всего, дружок убитой был мелким наркодилером. Был на заметке в полиции, раз или два сидел в тюрьме, но тяги к физическому насилию за ним не наблюдалось.

Оливия и после смерти очень хороша собой. Длинные пушистые ресницы, детское личико, девичья грудь...

«Не отвлекайся. Ты же профессионал...»

— Ничего такого не вижу.

Савуа слегка раздражает сквозящее в улыбке эксперта высокомерие. Тот показывает на маленькое, почти незаметное лиловатое пятнышко между левым плечом и шеей. А вот и другое — на правом боку, меж ребер.

— Применяя специальные термины, я сказал бы, что наблюдается обструкция яремной вены и сонной артерии с одновременным и равным по силе воздействием на определенный нервный узел, причем произведенным с такой точностью, что это привело к полному параличу верхней части тела...

Савуа ничего не отвечает. Судебный медик понимает, что сейчас не стоит пускать пыль в глаза, щеголяя профессиональной терминологией. Ему, как всегда, становится жаль себя: каждый день иметь дело со смертью, жить в окружении трупов, общаться с неулыбчивыми полицейскими... Недаром дети предпочитают не распространяться о том, где работает их отец, да и в гостях ему приходится помалкивать, потому что люди ненавидят «мрачные разговоры». Уже не в первый раз он спрашивает себя, не ошибся ли в свое время с выбором профессии.

— Проще говоря, ее задушили.

Савуа по-прежнему молчит, напряженно пытаюсь представить себе, как можно задушить человека среди бела дня на набережной Круазетт. Родители рассказали, что утром девушка вышла из дому с товаром на продажу — незаконную, ибо эти уличные торговцы налогов не платили и не имели права работать.

«Впрочем, это к делу не относится».

— Вместе с тем, — продолжает медик, — есть кое-какие странности. Будь это обычное удушение, остались бы следы на обоих плечах, свидетельствующие, что злоумышленник душил, а жертва сопротивлялась. То есть была борьба. А в нашем случае он одной рукой — а вернее сказать, пальцем — перекрыл приток крови к мозгу, а другой — парализовал жертву. Такие действия требуют изощренной техники и превосходного знания анатомии.

— А может быть, ее убили где-нибудь в другом месте, а потом перетащили туда, где прохожие обнаружили?

— И в этом случае обязательно остались бы следы. Я первым делом начал искать синяки на лодыжках и запястьях. И ничего не нашел. Стало быть, ее не тащили. И потом... не хотелось бы вдаваться в технические детали такого рода... но есть и другие признаки насильственной смерти... например, непроизвольное мочеиспускание...

— Ну, так и что же это все значит?

— Что Оливия погибла именно там, где ее позднее обнаружили. Что убийство совершено одним человеком. И она этого человека знала, потому что не пыталась бежать — по крайней мере, никто из прохожих этого не видел. Что он сидел слева от нее. Что он в совершенстве владеет специальными приемами боевых искусств.

Савуа, кивком поблагодарив, стремительно идет к выходу. По дороге звонит в участок, где допрашивают сожителя Оливии.

— Про наркотики забудьте, — говорит он. — У вас в руках — убийца. Постарайтесь вытянуть из него все, что он знает о боевых искусствах. Я еду. Скоро буду у вас.

— Нет, — отвечают ему. — Приезжайте в госпиталь. Кажется, у нас еще одна проблема.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)